

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Филологический факультет
Кафедра литературы

Жанр очерка в русской литературе конца XIX века

Дипломная работа

Допустить к защите

Зав. кафедрой литературы

_____ Н.А. Гузь

«__» _____ 20__ г.

Выполнила студентка Р-ЗРЯЛ
081 группы

Трошина

Анна Васильевна

Подпись _____

Научный руководитель:

к.филол.н., доцент

Бабичева

Юлия Геннадьевна

Подпись _____
(подпись)

Оценка

«__» _____ 20__ г.

Подпись _____
(Председатель ГАК)

Содержание

Введение	с.3
Глава I. Теоретические аспекты изучения жанра очерка.....	с.7
1.1. История очерка.....	с.7
1.2. Очерк. Жанровая специфика	с.11
1.3. Разновидности очерка	с.16
Глава II. Идеино-художественное своеобразие очерков конца XIX века	с. 22
2.1. Крестьянская тема в творчестве Г. И. Успенского. Анализ циклов «Из деревенского дневника» и «Письма с дороги».....	с.22
2.2. В. Г. Короленко и злободневные вопросы времени. («Павловские очерки» и «В голодный год»)	с.38
2.3. В. М. Гаршин. Большая совесть кающегося дворянина. («История Энского земского собрания» и «Аяслярское дело»).....	с. 52
Заключение	с.62
Библиографический список	с.67

Введение

Дипломная работа посвящена жанру очерка в русской литературе конца XIX века.

Как известно, очерк занимает промежуточное положение между литературой художественной и публицистической. Развитие очеркового жанра тесно связано с общественно-политической жизнью нашей страны. Расцвет очерка, как правило, происходит в переломные моменты истории. Это касается и времени конца XIX века, когда Россия переживала достаточно непростой период: перестраивались целые классы, появлялись новые социальные массы. Писатели-очеркисты считали своим долгом изложить на бумаге, а затем и обнародовать результаты своих мыслей и впечатлений. Актуализация очерковых жанров в этот период объясняется также поисками новых литературных форм, которые отражали бы бурно меняющуюся действительность пореформенного периода.

Жанровые особенности очерка подразумевают документальность в изображении действительности, что не мешало многим известным писателям к нему обращаться. Русская реалистическая литература XIX века в полной мере осознала эстетические возможности очерковых жанров. Именно очерк стал выражением интереса писателей к современности. Его расцвету способствовали И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, писатели-«физиологи» 1840-х годов, беллетристы-шестидесятники: Г. И. Успенский, А. И. Левитов, Н. Г. Помяловский.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что пристальное внимание к человеку, к общественным проблемам привели к росту художественной публицистики, в том числе, и жанра очерка. Изучение очеркового творчества Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и В. М. Гаршина позволит обогатить представление о художественной специфике жанра очерка, выявить оригинальные способы авторского повествования,

дополнить новыми фактами наше восприятие русского реализма конца XIX века.

Основная цель представленной работы – осмысление жанра очерка конца XIX века в его идейно-тематическом и жанрово-стилевом своеобразии.

Указанная цель определяет следующие **задачи**:

- рассмотреть различные толкования понятия «очерк»;
- осветить сущность и разновидности очерка;
- определить роль и место очерка в русской литературе конца XIX века;
- выявить идейно-художественное своеобразие очерков Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, В. М. Гаршина.
- осуществить композиционный и стилистический анализ произведений данных авторов.

Объектом исследования дипломной работы является жанр очерка в русской литературе. Такой выбор представляется важным в двух аспектах. Во-первых, специфика литературного очерка остается пока в достаточной степени не изученной. Во-вторых, текстовый анализ очерков писателей конца XIX века позволяет выявить своеобразие их поэтики и проблематики, особенности художественного стиля, сделавшие эти произведения востребованными читателями-современниками и ценителями их творчества нашего времени.

Предметом дипломной работы являются характерные особенности реализации элементов очеркового жанра в творчестве писателей конца XIX века. В настоящей работе предприняты попытки обращения к таким очерковым циклам конца XIX века как: «Из деревенского дневника» и «Письма с дороги» Г.И.Успенского, «Павловским очеркам» и «В голодный год» В. Г. Короленко, небольшим по объему очеркам В. М. Гаршина – «История Энского земского собрания» и «Аяслярское дело».

Методологической базой исследования послужила литература, касающаяся поэтики художественного очерка. Это работы **В.Г.Белинского** («Взгляд на русскую литературу»), утвердившего в литературоведении сам

термин «очерк»; **М. Горького**, рассматривающего литературные проблемы в их связи с задачами культурной революции. Важным этапом в русском очерковедении является книга **Е. Журбиной** – «Искусство очерка», издание **В. Канторовича** – «Заметки писателя о современном очерке», Б.О. Костелянца – «Русский очерк», Г.В. Колосова – «Поэтика очерка», М.С.Черепанова – «Таинства мастерства публициста». Исследованиям очерка посвящена работа А. Д. Гаджиева – «Развитие очеркового жанра в русской литературе XIX века», Л.М. Пивоваровой – «Русский очерк 80 – 90-х годов XIX века», Н.И. Глушкова – «Очерк в русской литературе».

Из библиографической литературы, посвященной описанию жизненного и творческого пути писателей, нами были использованы работа **Н. К. Михайловского** – «Литературно-критические статьи», **Г. А. Бялого**– «В.Г.Короленко», «Всеволод Гаршин», **В. И. Порудоминского** – «Грустный солдат или жизнь Всеволода Гаршина», **Н. И. Пруцкова** – «Глеб Успенский», **А. Н. Латыниной** – «Всеволод Гаршин. Творчество и судьба» и др. Изучены сами произведения данных писателей.

В данной работе были использованы следующие **методы**:

- культурно-исторический, необходимый при выявлении связи очерков писателей конца XIX века с современной им действительностью и общественной ситуацией;
- сравнительно-типологический метод, используемый с целью рассмотрения произведений писателей данного периода в контексте идейных и жанровых исканий русской литературы;
- метод описательной поэтики, определяющий художественно-эстетическое своеобразие произведения;
- элементы структурного метода литературоведческого познания, помогающие рассмотреть жанровую специфику произведений, их сюжетно-композиционное построение, образную систему.

Научная новизна дипломного исследования обусловлена тем фактом, что, несмотря на обилие очерковедческих исследований, до сих пор решены

далеко не все вопросы, связанные с очерком как жанром художественной литературы. В пору активного развития художественно-документальных жанров, современному литературоведению необходимо исследование этого процесса в теоретическом и историко-литературном плане.

Практическая значимость данной работы состоит в возможности внедрения результатов анализа текстов в современный учебный процесс, в практику школьного преподавания, в лекционные курсы по истории русской литературы. Данная работа может быть полезна для любителей русской прозы XIX века, для более глубокого знакомства с творчеством писателей этого периода.

Структура исследования связана с целью и задачами.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении определены цель, объект, предмет, методы исследования, показаны актуальность и практическая значимость данной работы.

В первой главе рассмотрены теоретические аспекты жанра «очерк»: история, понятие и разновидности жанра, приведены точки зрения различных литературоведов относительно специфики и своеобразия очерковой литературы.

Вторая глава посвящена непосредственному анализу произведений знаменитого литературного триумvirата конца XIX века – Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и В. М. Гаршина. В качестве материала для анализа выбраны такие тексты, как: «Из деревенского дневника» и «Письма с дороги» Г. И. Успенского, «Павловские очерки» и «В голодный год» В. Г. Короленко, «История Энского земского собрания» и «Аясларское дело» В. М. Гаршина. Данные тексты, на наш взгляд, являются наиболее репрезентативными и в полной мере отражают стиль каждого художника.

В заключении подведены итоги дипломной работы – сделаны общие выводы о специфике очеркового жанра конца XIX века, обозначены пути дальнейшего исследования.

Глава I. Теоретические основы изучения жанра очерка

1.1. История очерка

Очерк – один из древнейших жанров русской литературы. Его зачатки можно увидеть еще в «Повести временных лет» – одном из древнейших русских летописных сводов – в описании обычаев и обрядов древних славянских племен.

Очерк встречается в литературе в различные эпохи, но в определенное время этот жанр получает особенно важное значение. Прежде всего, это бывает в кризисный, переходный период, когда требуется вмешательство в новые жизненные условия.

К концу 40-х годов В.Г.Белинский констатирует, что «кроме рассказа, давно уже существовавшего в литературе, как низший и более легкий вид повести, недавно получили в литературе право гражданства так называемые физиологии, характеристические очерки разных сторон общественного быта» [10, с. 802].

«Физиологические очерки» оформились под влиянием французских буржуазных «физиологических очерков», многие из которых переводились на русский язык («Физиология» О. Бальзака, «Физиология любителя наслаждений» Джеймса Руссо, 1843 г.).

В России «физиологии» получили широкое распространение, вытеснив все формы так называемого «нравоописательного очерка» 20-х и 30-х годов. Евгения Журбина метко подмечает тот факт, что «физиологический очерк делается одним из мощных проявлений утверждавшей себя гоголевской реалистической школы» [28, с.166].

Во второй половине 40-х годов на страницах «Современника» печатаются герценовские путевые очерки, прямо отвечающие новым требованиям жизни, выходит в свет первый очерк «Записок охотника» –

«Хорь и Калиныч» (в отделе «Смеси») И. С. Тургенева, а позднее и другие очерки этого цикла. Очерки А. И. Герцена и И. С. Тургенева способствовали демократизации литературы, хотя и с разных идейных позиций и разными литературными средствами.

Оригинальными русскими «Физиологическими очерками» были сборники «**Наши, списанные с натуры русскими**», 1841 (сост. А. П. Башуцкий), «**Физиология Петербурга**», 1844-1845 (ред. Н. А. Некрасова), «Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка рода человеческого», 6 вып., 1843 (Булгарина).

Впервые объектом художественного познания становились люди «низшего звания», обитатели подвалов и городских окраин. В центре внимания писателей находилась профессионально-бытовая характеристика социального типа. Они стремились уловить профессиональную дифференциацию, становившуюся характерным выражением разделения труда развивавшегося товарного хозяйства. «Физиологические очерки» давали тщательное описание; обилие подробностей, относительную бесстрастность по отношению к излагаемому. **Бытописатель**, талантливо воспроизводящий мало изученную жизнь городского обывателя, даже не раскрывающий основных факторов ее развития, выдвигается на первое место.

Писатель-шестидесятник соединял в себе внимательного наблюдателя, знатока народной жизни и хорошего беллетриста. Облеченные в форму художественного произведения умело подобранные факты, достигали большого эффекта. Г. В. Плеханов писал по поводу этого литературного направления: «Никакие специальные исследования не могут заменить нарисованной ими картины народной жизни. Произведения наших народников - беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян» [41, с. 15].

В 70-х годах одним из самых значительных феноменов эпохи было усиление роли **разночинской интеллигенции**. Разночинцы стали социальным явлением, без которого трудно было представить хоть одну сферу общественной, политической и духовной жизни. Из среды разночинцев вышли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Г. И. Успенский. Н. К. Михайловский типичной чертой разночинца-демократа считал, «во-первых, глубокое знание народной жизни... во-вторых, особенный взгляд на вещи.. он не мог довольствоваться общими категориями цивилизации... он ценил их по отношению к народу» [36, с.535].

В литературе 80-х гг. **видоизменяется соотношение жанров**. Роман уступает место повести, рассказу, очерку. В центре русского романа постоянно ставился вопрос о деятеле эпохи, герой как бы перерабатывал в себе главные тенденции развития русской жизни. Пореформенное время подобного героя не предложила. К тому же все попытки напомнить о революционной ситуации были невозможны в легальной печати. Естественно, это отразилось и на романе – он теряет свою ведущую роль.

Лидерство малых жанров было обусловлено особенностями самой эпохи. На страницах общественно-литературных журналов обсуждались многие проблемы этого времени – развитие капитализма в России, судьба крестьянской общины, роль машинного производства и его влияние на человека. Писатели - разночинцы внесли в литературу новые темы и образы. Именно с изменением предмета изображения, с эстетическими представлениями разночинцев связаны и новый тип художественной структуры – публицистичность и документализм, и изменение жанровой системы (выдвижение на первый план полупублицистического очерка или цикла очерков), и, нередко, небрежность художественной отделки.

Публицистический очерк становится очень популярным жанром. Возникает необходимость исследовать жизнь в ее новых многочисленных аспектах. Прямым следствием этого было появление большого числа очерков

об отдельных районах России. Это очерки С.В. Максимова, Ф.Д. Нефедова, Вас. И. Немировича-Данченко, Д. Н. Мамина - Сибиряка.

Литература 80-х гг. представляла в истории русского реализма переходный период. Это была не только литература, запечатлевшая спад общественных настроений, но и литература, в которой проявилось новое миропонимание и **новые принципы реализма**, получившие развитие в последующие десятилетия.

Настроения пессимизма и скептицизма получили широкое распространение в литературе этого времени, а их возникновение объяснялось кризисом самой жизни. Этот кризис вышел из неприятия действительности, являлся реакцией на ее явные противоречия и был связан с революционным движением, поскольку неизбежно вел к мысли о коренном изменении существующего порядка вещей. Пессимизм знаменитого писателя того времени – Всеволода Михайловича Гаршина, носил именно такой характер. В привычном течении будней он сумел увидеть трагедию, а в трагической судьбе героев – черты новой нравственности.

Несмотря на то, что политические задачи, которые ставили перед собой народники, оказались неосуществленными, для интеллигенции 80-х годов необходимость единения с народом продолжала оставаться главным вопросом эпохи. Многие народники свое поражение связывали с тем, что они идеализировали народ, создали образ, не соответствующий действительности. Именно об этом писали и Г.И. Успенский, и В.Г. Короленко.

«Эпоха безвременья» помогает глубже понять особенности литературного развития рубежа веков. В той или иной мере, в своем творчестве, в письмах и дневниках, деятели искусства и литературы покажут, что главный вопрос, волнующий их художественное сознание, был остро поставленный историей **вопрос о новом пути России**, о ее будущем.

Литература конца 90-х показывала читателю потрясенную в социальных основах жизнь России в эпоху подготовки и свершения первой

русской революции. При большом многообразии мотивов магистральными темами были **темы деревни, труда и капитала**, поисков новых жизненных путей. Особенно значимым в литературе стало изображение капитализма в деревне.

Огромное влияние на общественное сознание оказал голод 1891-1892 гг., охвативший ряд губерний, и сопутствовавшие ему эпидемии холеры и тифа. Данным темам посвящены циклы очерков В.Г.Короленко «В голодный год» и «В холерный год».

В советской журналистике понятие очерк связывают с такими фамилиями, как А. М. Горький (цикл «По Руси», «По Союзу Советов», «Рассказы о героях» и др.). Очерки о стройках социализма писали Алексей Толстой, Валентин Катаев. В дни Великой Отечественной войны создавали документальные произведения К. М. Симонов, А. П. Гайдар, В. С. Гроссман, И. Эренбург и многие другие. В послевоенное время на темах трудового и патриотического подъема созданы документальные очерки М.Шагинян, И.Рябовым, А.А.Беком, Б.Н.Полевым, О Берггольц, А.А.Аграновским, В.В.Овечкиным и многими другими.

1.2. Жанровая специфика очерка

Жанр очерка непрерывно развивается, а вместе с его развитием меняется и теория очерка. Поэтому при создании теоретической базы возникают некоторые сложности. Да и в литературоведении понятие очерка совершенно отличается от журналистского.

Толковый словарь С.И. Ожегова дает неоднозначное понимание данного слова:

«*Очерк 1.* Небольшое литературное произведение, краткое описание жизненных событий (обычно социально значимых). Документальный, публицистический, бытовой.

Очерк 2. Общее изложение какого-нибудь вопроса. Очеркист – это писатель, журналист, пишущий очерки» [39, с. 625].

А. М. Горький писал: «Говоря об очерке, как литературной форме, нужно исходить от глагола «*чертить, очерчивать*». Очерк равносильен и равноценен «эскизу» – наброску для памяти карандашом, пером» [23, с. 489].

А в «Кратком словаре литературоведческих терминов», составленном Н. Венгровым и Л. Тимофеевым, дается следующее определение очерка «Художественный очерк – повествование о событии или человеке, существовавшем в действительности, а не созданном или преображенном творческим воображением художника, как во всех других родах и видах художественной литературы» [55, с.93].

М. С. Черпахов в своей монографии «Таинства мастерства публициста» пишет, что «Очерк как жанр публицистически насыщен, образно отражает события, явления действительности, героев этих событий и явлений. Он характеризуется конкретностью, предельной точностью воспроизведения реальных фактов и явлений, адресностью и подчеркнутой проблематичностью» [57, с.98]. Исследователь замечает, что очерк отличается от других жанров литературы более широким вхождением в проблематику повседневной жизни.

Из всего вышесказанного мы видим, что очерк – это один из сложнейших жанров художественной публицистики, некая разновидность рассказа. Особенность его заключается в соединении двух составляющих: художественной и аналитической. Автору важно не только исследовать свой предмет, а художественно его осмыслить, наглядно-образными средствами подчеркнуть проблемность ситуации, на частном случае показать общее. Главным признаком очерка является описание явлений действительности, осмысленных автором.

Документализм – важнейшая характеристика текстов данного жанра. Очеркист стремится детально представить происходящее, не упустив ни одной подробности. Предметом очерка становится типичный случай, характерный для данного времени, случай, ярко характеризующий этап социального развития. Данный типичный случай является проявлением явного или скрытого конфликта. Вымысел в очерке играет гораздо меньшую роль, чем в других литературных жанрах.

Сюжет в очерке может совершенно отсутствовать. Автор часто переходит от одного описания к другому. Он не связан необходимостью в образной форме показывать развитие действия, часто вмешивается в ход событий от первого лица, что дает ему возможность более свободной группировки материала. Большое значение имеют публицистические рассуждения, научные обобщения. Язык очерка включает элементы публицистического и научного языка. Очерковая литература затрагивает не проблемы становления личности и ее конфликты, а проблемы гражданского и нравственного состояния «среды» – проблемы нравоописательные». Известный литературовед Алексей Федорович Абрамович считает, что: «К сюжетным относятся все драматические и большинство эпических произведений. Движений событий нет в тех эпических произведениях, в которых даны статистические описания картины природы (например: «Лес и степь» И.С. Тургенева) или статистическое изображение черт и свойств людей (например, юморески молодого А.П.Чехова, рисующего портреты представителей различных социальных слоев)».

Евгения Исааковна Журбина вступает с ним в дискуссию: «На самом деле, если вспомнить «Лес и степь», мы увидим, что этот очерк вовсе не статичен, он полон внутреннего движения»[28, с.114].

Сюжет в очерке – это не просто «показ» фактического материала, это творческое преобразование взятых из жизни фактов. Сюжет имеет характер размышления автора о делах и людях. Ориентация очерка на осмысление жизни и публицистическое исследование ломает традиционное движение

повествователя с завязками и развязками, использующееся в беллетристической литературе и созданные главным образом для показа движения индивидуальных судеб.

Н. В. Гоголь говорил о В. И. Дале: «Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизанимательнейшая повесть» [21, с.190-191]. Но даже если, по словам Н.В.Гоголя, очеркист не должен ломать голову над завязкой и развязкой, то это не значит, что композиция очерка не имеет своих законов. При всей свободе, композиция очерка подчиняется закону ясного выражения своей публицистической темы, своей цели.

Структура очерка вытекает из самих особенностей жанра, имеющего сложную природу. По мнению той же Е. И. Журбиной: «В очерке должно произойти органичное слияние публицистической мысли и художественного приема» [28, с.24]. Для достижения такого слияния, автор должен заботиться не только о создании очеркового образа, но и о его насыщении публицистической мыслью. В этом соединении большая роль отводится различным композиционным приемам. Типы композиции должны соответствовать типам связей, характерным для окружающей действительности – временным и причинно-следственным. В соответствии с этим можно выделить следующие **типы очерковых структур**:

1. **Хроникальное построение** очерка – описание событий в их временной последовательности. При хронологическом отображении автор последовательно описывает наиболее значительные моменты из жизни героя. Описание в данном очерке должно иметь событийную канву.

2. Построение, основанное на **причинно-следственных связях** – это исследование, где повествование строится по принципу не временной, а логической последовательности. Здесь автору важно показать развитие собственной мысли за счет выдвижения системы доказательств. Очеркист

выявляет различные причинно-следственные связи между явлениями действительности или исследует внутренний мир героев и строит произведение согласно логике своих мыслей.

3. Свободная форма построения (эссеистская), основана на ассоциативных связях и образных обобщениях. Эта форма совмещает в себе элементы предыдущих типов и характеризуется многообразием композиционных приемов и средств. В основу может быть положена ярко выраженная фабула. Таким образом, автору легче объединить вокруг событийного ядра различные элементы.

Эссеистская очерковая структура – самая распространенная. Материалы этого типа отличаются наибольшей полифоничностью композиционных приемов, свободой построения и пестротой рисунка. Движение мысли соединяется здесь картинкой или эпизодом, философские раздумья с элементами острой фабулы. Наибольшая трудность в выстраивании подобного рода материалов заключается в необходимости гармоничного расположения в очерке разнородных содержательных элементов. Для этого автору необходимо: продумать замысел произведения и способы монтирования различных композиционных элементов.

От успешного решения проблемы композиции очерка зависит, получится ли очерк, найдет ли он отклик в сердцах людей.

Особую роль в очерке играют **пейзажи**. Описание природы помогает раскрыть и эмоционально-психологическое состояние героев или самого очеркиста, и обстановку, в которой происходит действие. Выявляя существенные признаки природных явлений, показывая их взаимосвязь с главной идеей очерка, автор может достичь необычайной глубины проникновения в самую суть описываемого.

Очень эффективным методом построения очерка является **ассоциативный способ изложения**, одним из проявлений которого служат авторские размышления. Ассоциации писателя, как правило, углубляют образно-психологическую разработку основной идеи повествования.

Очень важно, чтобы все факты, ситуации, события, ассоциации представляли единое целое, подчинялись единой цели – теме, избранной очеркистом. Только полностью изучив материал, обстоятельства, факты, людей, можно решить, какой поворот придать очерку, какую проблему в нем выдвинуть. Поэтому, работая над очерком, писатель фиксирует в своей памяти все: общие сведения, цифры, имена и фамилии, должности, конкретные ситуации, раскрывающие человека, чтобы впоследствии суметь раскрыть наиболее характерное.

1.3. Разновидности очерка

Рассмотрим основные разновидности очерка, существующие в литературоведении. Прежде всего, очерк может быть художественным или документальным.

В **художественном очерке** предметом изображения обычно является уклад жизни той или иной среды, нравы, т.е. устойчивые отношения между людьми. В нем делается акцент не на развитии изображаемых характеров, а на их бытие. Событийность такого сюжета – это всевозможные встречи, приезды и отъезды и т. д. Функцию изображения бытия и характеров в их статичности имеют и описательные элементы, играющие в очерке более значительную роль, чем в повестях и романах. Средствами описания в характере выявляется что-либо неизменяющееся, устойчивое.

Автор **документального очерка** работает, как правило, по заданию редакции: объект исследования ему указан. Но, пока на основе изучения материала у него не возникнет некая «концепция» изучаемой им действительности, которая найдет свое выражение в сюжете, до тех пор очерка не будет.

Исследователь В. Я. Канторович выделяет следующие виды этого художественно-публицистического жанра: путевой, лирический очерк; портретный очерк; очерк нравов; проблемный очерк. Внутри каждого вида автор выделяет подвиды, что является явным свидетельством видового богатства жанра.

Традиционную классификацию очерка предложил Дмитрий Валериевич Туманов. Он выделяет проблемный, портретный и путевой очерк. Названия говорят сами за себя, но для более глубокого понимания этих трех основных видов очерка, необходимо подробнее раскрыть их сущность.

В портретном очерке в центре внимания находится личность. Автор делает акцент на внутреннем мире героя, на линии его общественного поведения, показывает становление характера человека.

В таком очерке дается также и описание обстановки, в которой живет и работает человек, рассказывается о его интересах и увлечениях, о взаимоотношениях с окружающими. Все это помогает раскрыть внутренний мир героя.

Матвей Самойлович Черепанов, журналист и литературовед, так определяет портретный очерк: «В центре его – человек со своим духовным миром, характером, которые раскрываются в общественно значимых действиях, конкретных поступках, напряженных, подчас конфликтных ситуациях, в биографических эпизодах, в мыслях, речи, внешнем портрете героя» [57, с 103].

Исследователь, Александр Алексеевич Тертичный, полагает, что в удачном портретном очерке характер показан, как правило, в нестандартной ситуации. Поэтому для автора очень важно найти какой-нибудь «участок» на жизненном пути героя, содержащий некие неординарные трудности, обладающие драматическим характером. В случае если такой «участок» обнаружить не удастся, автору труднее рассчитывать на создание интересного очерка.

Портретный очерк требует от писателя особого мастерства. По замечанию Т. А. Беневоленской, в таком очерке «прежде всего, необходим тщательный отбор биографических фактов. При этом очеркиста всегда подстерегает опасность увлечься чисто внешними подробностями быта, перипетиями судьбы в ущерб главному, основному – раскрытию внутренней сути современника, его мироощущения, его социального лица, без чего нельзя представить социальную роль героя – его профессию, его дела» [11,с.67]. Подобные ошибки допускаются в портретных очерках с остросюжетным событийным началом. Увлечшись развитием сюжета, авторы забывают донести до читателя мысли героя и собственные размышления по поводу описываемого события.

В центре **проблемного очерка** стоят социально значимые вопросы: политические, экономические, морально-этические и пр. Главным в таком очерке оказывается не характер человека, а его отношение к поставленным здесь вопросам. Такой очерк носит полемический характер. Автор выясняет причины возникновения какой-либо проблемы, пытается найти пути решения. Наблюдение за развитием конфликта часто сопровождается переживаниями, как со стороны героев очерка, так и со стороны самого автора.

Чтобы написать проблемный очерк, очеркист должен очень хорошо разбираться в той сфере деятельности, которая в нем затрагивается. Проблемные очерки писали Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. М. Горький, В. В. Овечкин, А. А. Аграновский, В. В. Овчинников и др.

По своей конструкции проблемный очерк можно сравнить с таким аналитическим жанром, как статья. Причина сходства – преобладание в ходе отображения проблемной ситуации исследовательского начала. В таком очерке, как и в статье, автор выясняет причины возникновения той или иной проблемы, определяет ее дальнейшее развитие, выявляет пути решения.

Важное отличие статьи от очерка состоит в том, что в первом развитие проблемной ситуации никогда не представляется, так сказать, в «голом

виде», т.е. в виде обобщенных суждений или статистических закономерностей, что свойственно статье. Осмысливая суть происходящего, журналист привлекает всевозможные ассоциации, параллели, отступления от темы. В проблемной статье все это неуместно.

В. Я. Канторович замечает: «Время порождает новые проблемы, завязывает новые узлы. И чтобы их своевременно распутать, чтобы решить назревшие вопросы, надо вовремя разглядеть, исследовать причины их породившие, предложить правильные решения и тем самым участвовать в формировании общественного мнения...»[29, с. 257].

Путевой очерк сформировался ранее других видов. В его основе – рассказ о путешествии, об увиденном и услышанном. Хороший путевой очерк не может быть простым перечислением всего, с автор встретился в течение своей поездки. Очеркист отбирает самое интересное и важное. Что считать самым таковым – зависит от замысла, который складывается в ходе путешествия. Во время подготовки очерка замысел может быть скорректирован или даже кардинально изменен. Именно на этот замысел или основную идею будущего произведения и должны работать все собранные автором в ходе творческой командировки впечатления и факты.

Путевые очерки преследуют различные цели. Главным для автора может стать показ того, как в различных районах, через которые он проезжает, решается какая – то одна проблема (например, проблема недостатка лечебных учреждений). Он может исследовать, например, как население разных городов проводит свободное от работы время. Или он может встретиться с участниками военных действий, проживающими в населенных пунктах, через которые он проезжает. Целей таких существует бесконечное множество. Особенностью путевого очерка в том, что объект изучения разворачивается для автора постепенно. Его специфика – это **передача личных впечатлений автора**. Путевой очерк в наибольшей степени претендует на авантюренность сюжета.

В XIX веке можно выделить двоих писателей, написавших интересные путевые очерки. Это А. С. Пушкин с циклом очерков «**Путешествие в Арзрум во время похода 1892 года**» и И. А. Гончаров с очерками «**Фрегат Паллада**». Обоих авторов сближает не только служебно-командировочный характер их путешествий, но и резко отрицательное отношение к увиденному. Из произведений хорошо видно, что писатели не испытывают пиетета перед границей, Россию они считают более приятной во всех отношениях страной.

По В. Я. Канторовичу, главное предназначение путевого очерка – «видение мира». «Путевой очерк – как раз та форма литературы, которой, как и гражданской поэзии, свойственно выразить личность самого писателя, его видение мира, его отношение к общественным проблемам своей эпохи» [29, с.259].

В родовом понятии очерка можно вычлениить и другие его виды. Например, произошло какое-то экстраординарное событие, и оно может стать темой **событийного очерка**. Значимость события показывается здесь художественно-публицистическими средствами. Такой очерк часто исследует неординарность или уникальность какого-либо события.

На протяжении всей своей истории очерк стремился знакомить читателя с новыми, появляющимися формами жизни, пробуждать общественное мнение и осуществлять право выдвигать и отстаивать передовые мысли, сочетая объективную оценку действительности с субъективным мнением. Говоря о литературных жанрах, М. М. Бахтин писал: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра» [9, с. 86].

Подводя итоги первой главы, нам необходимо выделить ее основные положения. Мы выяснили, что полноценная история очерка начинается с XIX века – со времени появления этого жанра в периодической печати. А

изменение российской действительности особенно способствовало расцвету очеркистики.

Отличие очерка от других литературных жанров состоит в соединении художественного и аналитического начал. Документализм – определяющая черта очерка. Но автор не просто исследует материал: он осмысливает его при помощи художественно-изобразительных средств, в результате чего произведение отличается эмоциональной действенностью.

Нами были рассмотрены типы очерковых структур – хроникальная, логическая и эссеистская и основные разновидности очерка – путевой, портретный и проблемный. Во второй главе мы перейдем к непосредственному рассмотрению специфики использования этого жанра в творчестве известного литературного триумvirата конца XIX века – Г.И. Успенского, В.Г. Короленко и В.М. Гаршина.

Глава II. Идеино-художественное своеобразие очерков конца XIX века

2.1. Крестьянская тема в творчестве Глеба Ивановича Успенского.

В первой главе мы определили период конца XIX века как один из самых сложных периодов в истории русской литературы. Это было переходное время в истории страны и жизни русского общества. Крепостническая Россия переживала период разрушения старых устоев. Основное, что характеризовало эту пору – развитие буржуазных отношений и крестьянское разорение.

Литературная деятельность Г. И. Успенского (1843 – 1902) охватывает первые десятилетия пореформенной жизни России. Все произведения писателя выростали из опыта его личной и общественной жизни. Для Г. Успенского, как для художника, не было периода исканий в определении творческого метода: реализм для него был прочно существующим и определяющим направлением русской литературы. Избрав в 60-е годы преобладающими жанрами очерк и рассказ, он шел в русле демократической литературы той поры.

Николай Константинович Михайловский – выдающийся критик и журналист того времени, в статье «Г. И. Успенский. Литературная характеристика» связывает Г. И. Успенского с молодыми беллетристами 60-х годов, занимавшимися средними и низшими слоями общества, которые мало привлекали внимание предшествующего поколения. Эти писатели моментально вызвали интерес у читателя новизной содержания и художественной дерзостью.

В своих сочинениях Н. К. Михайловский пишет: «Эта молодежь наносила оскорбление действием всем традиционным, привычным формам

беллетристики: недосказанные рассказы, незавершенные сценки, начала без конца и концы без начала, беглые отметки, еле очерченные лица, отсутствие «выдумки», т.е. сколько-нибудь стройной фабулы» [38, с.79]. По Н.К. Михайловскому, жажда гармонии, «болезнь совести», грустное раздумье при виде жизненных драм – главные особенности творчества Г. И. Успенского.

В первый период своей литературной деятельности Г. И. Успенский является бытописателем городского люда – мещан, мастеровых, чиновников, с их каждодневными нуждами и тревогами. В своем первом крупном произведении – «Нравы Растеряевой улицы» – писателю удалось нарисовать широкую картину русской жизни первых лет пореформенного периода. Новые порядки не облегчили жизнь трудовой массы, наоборот, усилилась власть хозяев мастерских и фабрик. В этом произведении проявилось то, что не в полной мере удавалось в более ранних – умение обобщить разнообразные явления действительности, создать типические картины и образы.

Период его тревожных и пытливых исканий начинается с очерка «Больная совесть» (1873), в которой отразились зарубежные наблюдения Г. Успенского. В этом произведении писатель проводит параллель: с одной стороны – западный капиталистический образ жизни, а с другой – русские патриархальные отношения. Писатель делает вывод: в отличие от России, в странах Западной Европы сложились определенность и ясность социально-нравственных отношений. В 1877 г. Г. И. Успенский совершает своеобразное «хождение в народ». Из его длительных личных наблюдений вырастают очерковые циклы о русской деревне: «Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли». В 1876 г. писатель создает очерки о победном шествии русского капитала – «Злые новости» и «Книжка чеков».

В заключительном периоде своей литературной деятельности писатель пишет очерковые циклы, в которых центром изображения становится не отдельный крестьянин, занятый своим хозяйством, а целая масса,

поднявшаяся с насиженных мест с целью поисков лучшей жизни. Это такие очерки, как «Письма с дороги», «Поездки к переселенцам», «Через пень колоду», «Концов не соберешь» и др. В 1887 году им пишутся очерки «Живые цифры», в которых именно в цифрах разгадывалась драма народной жизни.

Выше мы указали на то, что 1870-е годы – период, когда творчество Г. И. Успенского пополнилось новыми существенными чертами. Творчество этого периода определялось усилением действенного, активного отношения к жизни, стремлением понять и разъяснить ее смысл, открытыми призывами к изменению действительности. В произведении возрастает роль автора, рассказчика, повествователя. Мысль приобретает значение организующего начала. Отсюда тяготение к очерку-исследованию, к циклизации очерков, а вместе с этим – стремление к наибольшей безыскусственности произведений, обозначение их «дневниками», «записками», «письмами».

Жанровое своеобразие очерков Г. И. Успенского отмечали еще современники писателя, подчеркивая постоянное стремление автора к **фактографичности и публицистичности**. В. Г. Короленко определил своеобразие стиля очеркистики Г. Успенского как «смесь образа и публицистики»: «Ему нужна была не красота, не цельность впечатления, не самый образ. То, что он предполагал известным, общим у себя и читателя, над чем он не останавливался для детальной отделки, то отмечал только беглым взглядом, заполнял кое-как, лишь бы не оставить пустоты. Наоборот, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаниями будущей правды, – за тем он гнался страстно и торопливо, не выжидая, пока оно самопроизвольно сложится в душе в ясный, самодовлеющий образ»[5, с.18].

Тема русского крестьянства становится ведущей в творчестве Г.Успенского: никто из его современников не ставил в литературе с такой силой вопроса о крестьянстве, и никто так настойчиво не искал ответа на этот вопрос. Обращение Г. Успенского к деревне объясняется не только воздействием на него народнического учения. Писатель работал над

крестьянскими очерковыми циклами в тот период, когда деревня еще громче заговорила о своих нуждах.

В книге «Русская литература и фольклор» под редакцией А.А. Горелова отмечается: «Глеб Успенский умел улавливать все новое, что зарождалось в народной жизни или проникало в нее, а эпоха, в которой он работал, как мы знаем, не отличалась стабильностью; напротив, это было время перемен...» [49, с.179].

Более пристальному интересу писателя к крестьянской жизни способствовало знакомство с народническими кругами. Захваченный проблемами крестьян, Г. Успенский решает поближе познакомиться с деревенской жизнью. Все лето 1877-го он проводит в селе Сопки, Новгородской губернии, в следующем году отправляется в самарскую губернию, где работает письмоводителем сельского ссудо-сберегающего товарищества в селе Сколково. Его жена, Александра Васильевна, работала в земской школе учителем.

Г. И. Успенский был не удовлетворен своей практической деятельностью среди народа, но пребывание в новгородской и самарской деревнях дало ему, как исследователю деревенской жизни, ценный материал, послуживший основой первого большого цикла крестьянских очерков, впервые под разными заглавиями напечатанными в «**Отечественных записках**» (1877 –X, XII; 1878 – I, IX, XI; 1879 – V и 1880 – VIII) за подписью «Г. Иванов». Мотивы крестьянской жизни встречаются в творчестве писателя уже в 60-е годы («Воскресенье в деревне», «Деревенские встречи», «Книжка чеков» и др.). Но наиболее значительным произведением о пореформенной деревне, открывшим новый этап в творчестве писателя, стали очерки «Из деревенского дневника».

Эти очерки появились в пору обостренного внимания к крестьянскому вопросу. «Никогда русская деревня... не пользовалась в такой степени благосклонным вниманием образованного русского общества, как в настоящее время, – писал Успенский. – Одни... ищут, или, вернее, полагают

найти под соломенными крышами недостающее им общество, среди которого и надеются растворить остатки своих умственных и нравственных сил... другие, напротив, полагают найти под теми же крышами нечто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть не для всего человечества, погибающего от эгоистически направленной цивилизации. Третьи интересуются ею просто с эгоистической точки зрения, стремясь доподлинно знать, что именно можно взять у деревни для улучшения своего интеллигентного существования...» [6, с.7].

Очерки получили много откликов прежде всего потому, что Г. И. Успенский правдиво и смело раскрыл противоречия деревенской действительности, воссоздал ее пореформенное разорение. Но далеко не все общественные круги были довольны очерками Г. И. Успенского. С ожесточением нападали на него представители народнической критики. Народники были возмущены картинами русской действительности, опровергавшими их утверждения о современной общине. Отношение Г. И. Успенского к народнической критике ярко выражено в его словах о революционерке - народнице В. Н. Фигнер, упрекавшей писателя за мрачное изображение деревни: «Она требует: подай ей мужика, но мужика шоколадного» [35, с. 161].

Общая структура «Дневника» состоит из двух частей («В северной полосе» и «В степи», т.е. в Новгородской и в Самарской губернии). Эти две части даны для противопоставления внешних условий жизни новгородской и самарской деревень. В первом случае – неблагоприятные условия для земледелия, во втором – благоприятные. Однако экономическое и общественное положение, несмотря на различие условий, одинаковы. Каждая из частей распадается на «отрывки», которые состоят из очерковых миниатюр, представляющих собой сцены, заметки, зарисовки, раздумья автора, анализ деревенских фактов, диалоги.

Единство сюжета в «Дневнике» отсутствует, однако в нем есть внутреннее **проблемно-тематическое и психологическое единство.**

Целостность очерков выражается также и в том, что в них постоянно видна личность самого писателя, со своими мыслями и чувствами. Художественное познание жизни становится личной исповедью автора.

Реалистический метод этого цикла очерков отвергает какие-либо иллюзорные представления о деревенской жизни. Г. И. Успенский стремился показать жизнь пореформенной деревни во всей ее сложности. Здесь представлена крестьянская масса, крайне разнообразная и многосоставная, со всем обилием социальных оттенков. Прослеживание судеб отдельных людей не является непосредственной целью автора. Они нужны для обрисовки общих процессов, характеризующих жизнь деревни в целом. Самые разнообразные по своему социальному статусу герои в очерках Г. Успенского получили возможность выразить себя в своем собственном слове и таким образом выступить как бы независимо от их творца.

Мы видим здесь и типичного крестьянина-середняка, вроде Ивана Афанасьевича, бьющегося всю жизнь между угрозой разорения и стремлением иметь хотя бы маломальский материальный достаток. Встречаем здесь таких состоятельных мужиков, как Михаил Петров, «тысячников» в Самарской губернии, «коштанов», «мироедов». Писатель показывает крестьянский быт с «типичными деревенскими случаями», с огромной детской смертностью, безысходной бедностью и глубоким горем. Крестьянин неизбежно должен искать заработок помимо возделывания земли: подрабатывать в своей же деревне, уходить на отхожие промыслы.

В данном очерковом цикле появился характерный для будущих исканий писателя «редкий экземпляр истинного крестьянина» в полном смысле слова – Иван Афанасьев, «человек, который неразрывно связан с землей умом и сердцем». Г. И. Успенский с любовью рассказал о чертах настоящего крестьянина, присущих Ивану Афанасьевичу. «Он не умел ни хитрить, ни лукавить, ни обманывать – земледельческий труд ничему такому не учит» [6, с.43]. Земледельческий труд способен был бы наполнить весь внутренний мир Ивана Афанасьевича, не давая и подумать о том, что можно

было променять его на что-нибудь другое. «Иван Афанасьев – не влюблен в землю... нет, он связан с ней, с землей, и со всем, что переживает она в течение года, связан, как муж с женой, даже теснее, потому что они в самом деле живут почти как одно целое. Иван Афанасьевич и не «прикован» к земле... Тем-то и дорог земледельческий труд, что отношения между человеком и этой землей, этим трудом – не насильственные, что связь рождается чистая... На таких чистых, совестливых началах держится и весь обиход подлинной, неиспорченной крестьянской семьи...»[там же, с.43].

В. Б. Смирнов в своей статье об Г. Успенском отмечает: «Эстетические симпатии писателя на стороне мужика, но мужика-труженика, и не просто труженика, но эстетически воспринимающего земледельческий труд. Это тоже патриархальный мужик, обладающий запасом моральной прочности, но почерпнутым не в общине, а в труде» [50, с.18].

«На пути в деревню» писатель пережил, как и участники хождения в народ», много разочарований. При близком знакомстве с ней оказалось, что **погоня за рублем** успешно соперничает с силой привязанности Ивана Афанасьевича к земледельческому труду. Иван Афанасьевич поставлен «в необходимость бросаться из стороны в сторону, чтобы где-нибудь и как-нибудь захватить в свои руки этот проклятый рубль серебром» [6, с.43].

Очерки Г. И. Успенского привлекают не только правдивостью, но и **остротой постановки вопросов**, когда привычное вдруг предстает во всей его неприглядности. Например, в газетах немало писалось о безобразной постановке медицинского дела в деревне. Не хватало больниц, врачей, лекарств. Г. Успенский показал нам врача, разъезжавшего «с аптечкой в полторы квадратных четверти, для нескольких сот детей, разбросанных на громадном пространстве целого уезда» [6, с.71].

В картинах Г. И. Успенского за единичными фактами вставало все сложное социальное положение деревенских жителей, с ее нищетой и бесправием. Примером может служить сцена в вагоне поезда, в котором ехала старуха с мешком, нагруженным детскими трупами. Детей взяли в

деревню из воспитательного дома, но многие из них умерли, и теперь старуха везет их на освидетельствование. «Помирают, друг ты мой, один за одним! – рассказывает она. – А все от молока. Киснет молоко-то: что будешь делать, кабы у нас погреба были, ледники - ну, так! А то киснет – да и шабаш! И они с кислого - то и мрут... И денег - то не дадут, и свои-то на разъезды изведешь; а что мученья на душу примешь – и язык не поворачивается сказать» [там же, с. 89].

В этом эпизоде много сказано: и о бедности крестьян, заставляющей прибегать к такому заработку, как воспитание ребенка за 30 рублей в год, и о невозможности создания для детей нормальных условий жизни, и о моральных мучениях из-за погубленных жизней.

В очерках подвергнуто критике и крестьянское самоуправление. Здесь многочисленна галерея писарей, старшин, волостных судей – олицетворения произвола местных деревенских властей. Например, в главе о коштанах и мироедах автором дается далеко не лестная характеристика: «Коштан – человек, который живет на мирской «кошт»: мир его «коштует», кормит... Между мироедом и каштаном существует значительная разница. Мироед ест мир тем, что норовит его нравственно напугать, придавить... Мироед – это самозванный судья, беспощадный каратель всякого дурного поступка. У коштана – цель мелкая, практическая: поживиться, нажать рублишко, на даровщинку выпить и в то же время оставить о себе впечатление человека, заботящегося о твоей пользе. Коштан наживается, выручая то мир, о мирянина. ...Коштаны выходят в мироеды – это бывает часто; но большей частью их участь – выходить в мещанство, в люди ловкой, скорой и плутовской наживы чужими руками» [там же, с.217-218].

Увиденные Г. И. Успенским картины деревни убеждали, что реформа не улучшила благосостояния крестьянства; в своей массе крестьянин продолжал оставаться нищими, темным и бесправным. Но содержание жизни деревни после реформы стало во многом иным. В деревне совершались процессы, результат которых было трудно еще определить. Усиление **власти**

денег – сущность всех этих изменений. Показав деревенский индивидуализм, разобщенность крестьянского мира, фигуры «мироедов» и «коштанов», Г. Успенский утвердил органичность такой фигуры, как кулак, в котором многие народники видели, как и вообще в капитализме, наносное, искусственное явление. Г. Успенский говорит, что экономические условия, собственничество порождают индивидуализм, равнодушие к судьбе соседа-общинника.

Очень показательна **история Федюши** - сироты, который стал конокрадом и умер на глазах всей деревни, учинившей над ним самосуд. История Феде была рассказана крестьянином из деревни Сычевки. Его сиротство, равнодушие к нему окружающих, а затем преступление и смерть – все это подготавливает вывод читателя о невинности несчастного конокрада и, наоборот, о «виновности» тех условий, которые обрекли крестьянского мальчика на голод и скитания. Факт заимствован Г. Успенским из действительного судебного дела в Самарском окружном суде.

В журнальной публикации очерки не были единым циклом, а имели каждый самостоятельное значение. Подзаголовок «Из деревенского дневника» появляется только в очерках второй главы. Интерес к деревенским очеркам был так очевиден, что в 1879 году возникла необходимость отдельного издания. Порядок расположения очерков остался таким же, что и в «Отечественных записках», но имевшиеся в журнале заглавия очерков Г. Успенский снял и ввел нумерацию, назвав каждый очерк «отрывком». Тем самым писатель выдвинул на первый план очерковую целостность, цикловую собранность.

Большое количество поправок относилось к языку очерков, их стилю и образности. Г. И. Успенским вносится ряд художественных деталей в изображение. Если в журнальной редакции были названы только те или иные явления действия, то здесь писатель дает им образные характеристики, определения, не только называющие, но и показывающие предмет. Сравним: «Ни у кого ничего не отнимал» – «Ни у кого ничего ровнешенько не

отнимал»; «вопиет» – «подавленное впечатлениями вопиет»; «писарь действует так...» – «писарь действует ехидно, из-под низу, так...»; «другие слова» – «другие, уже грустные слова» – и т.д.

Г. Успенский подчеркивал документальную основу своих очерков: здесь и газетные известия о событиях войны, и записки старшины Полуптичника, и «копия с учета» волостного писаря:

« 1) Выдано жалованья должностным лицам и произведено оплаты служащим по найму и на другие предметы: волостному старшине – 233 р. 90 к., волостным писарям: первому – 48 р. 91 к., второму – 64 р. 74 к. и третьему, 168 р. 53 к.

2) Израсходовано на покупку канцелярских припасов – 112 р. 40 к. 3) Употреблено на проезд волостного старшины с писарями в губ. город по делам службы 35 р. 89 к.

4) На освещение волостного правления – 59 р. 48 коп...

10) На содержание арестантов – 30 р. 30 к.

11) Священнику за молебны – 4 р. 62 к.

12) Ямщикам Стожарову и Тряскину – 249 р. 30 к.

Всего расходу – 1635 р., и в остатке – 8 руб. 26 коп.» [6, с.124-125]. В тексте часто сохраняются все особенности документа, его формы, вплоть до пунктуации и орфографии.

Евгения Журбина в своей книге «Искусство очерка» справедливо отмечает: «В очерках Глеба Успенского, как известно, много цифровых, статистических данных, таблиц, выдержек из различных документов, книг. Однако все это не лишает очерки Успенского художественности, а придает ей особый характер. Сами по себе цифры и дроби, вне трактовки художника, мертвы для искусства... Цифры, таблицы, документы оживают потому, что за ними в реальных образах, в «форме самой жизни» встают человеческие судьбы и судьбы народа» [28, с.39].

Следующее изобразительное средство, используемое Г. Успенским – это пейзаж. В его очерках пейзажные наброски являются поводом для

авторских размышлений. Интересное замечание по этому поводу делает Н.К. Михайловский: «Очень любопытно, что у Успенского, можно сказать, совсем **отсутствует пейзаж**... Это не значит, чтобы он не чуял природы, не понимал ее красот. Но он аскетически строг в своих требованиях от пейзажа...» [37, с.299]. Такое отношение у писателя ко всему, что может отвлечь его внимание и внимание читателей и отклонить его куда-нибудь в сторону от единственной цели, признаваемой в данную минуту важной и значительной.

Если у Г. И. Успенского и присутствуют небольшие природные зарисовки, то непременно с условием присутствия в них мыслей, важных для писателя, например: «Вид деревеньки самый обыкновенный. Холмистые поля спускаются к речке, не широкой и не глубокой, в которой будто бы в прошлые времена было «страсть сколько» рыбы» [6, с.9]. Или следующее описание: «Существенный признак осени – такой же грустный и унылый, как желтые листья леса, как грозные тоны, начинающие слышаться в порывах ветра, – есть, несомненно появление в волостном правлении предписания уездного исправника о скорейшем взимании податей» [там же, с.58].

Очерки «**Из деревенского дневника**» стали выдающимся событием в литературно-общественной жизни и вызвали многочисленные отклики критиков. Органы печати отмечали большую идейную и художественную силу новых произведений Г.Успенского. В одном из отзывов говорилось: «По глубине мысли, по силе чувства и таланту изображения он ставится в них смело в ряды первоклассных наших писателей, а по жизненности темы и направления он становится во главе современной литературы». О значении этих очерков говорилось и то, что они указывают «литературе новые плодотворные пути, такие задачи, для работы над которыми найдется дело для целого литературного поколения».

Следующий цикл очерков относится к более позднему периоду творчества Г. И. Успенского, тем он и интересен для анализа и сопоставления с очерками, рассмотренными нами выше.

Ко времени появления «Писем с дороги» Г. И. Успенский достигает вершины как мыслитель, художник и публицист. Эти очерки повторяют структуру циклизации на новом материале, тематикой которого является проблема переселения крестьян. Это произведение восходит к жанрам **путевой литературы**, и его рассмотрение позволит нам выделить характерные для этого жанра черты. В своей наиболее полной последней редакции 1889 года эти очерки представляют собой самый крупный публицистический цикл очерков Г. И. Успенского.

«Письма с дороги» напечатаны впервые в «Русских ведомостях» 1886 года. Они появились в результате поездки писателя на юг в 1886 году. Г. Успенский ездил по Северному Кавказу, был в Крыму, в Севастополе, Одессе; он путешествовал и на лошадях по станциям, и по железной дороге, и на пароходах по Кубани, и вдоль берега Черного моря. Причиной поездки являлось стремление к более разностороннему изучению русского народа. «Письма с дороги» наполнены непосредственными наблюдениями над природой, экономикой и народом Кавказа.

Форма писем, избранная автором в книге, достаточно условна. Хотя автор и называет свои заметки письмами, но в этих «письмах» мы не находим такие необходимые признаки как обращение к конкретному адресату (не считая некоего «читателя»), датировку, обратную связь, обязательную в переписке.

Автор рассматривает абсолютно разнородный материал. В повествовании Г.И. Успенского как бы два центра – «злоба дня» как отражение реальности, и «мечтания» автора как некий способ прогнозирования будущего, в которое он пытается проникнуть. Например, Глеб Иванович Успенский пишет: «Мелкий агент крупного предприятия» и «чернорабочий», появившиеся на Руси одновременно с развитием крупных торговых, промышленных операций, причем первых появились сотни тысяч, а вторых – миллионы, совершенно изменили как внешний вид, так и внутренний смысл и вообще весь строй и тон жизни наших сел...»

[7, стр.305]. Или, например, автор мечтает: «Кавказское побережье имеет всевозможные удобства именно для открытия школ, в которых можно практиковать всевозможные роды труда: прекраснейшие долины между гор, чрезвычайно удобные для хлебопашества...Здесь возможна культура табака, винограда и, следовательно, виноделие. Садоводство; леса – это источник всяких кустарных промыслов из дерева» [7, с.297].

Путевой очерк включает в себя **мотив дороги**, особенностью которого, из-за перемещения персонажа в пространстве, является возможность получения им большого количества новой информации, ее осмысления. С мотивом дороги связан и мотив случайных встреч. Очень часто автор встречается с переселенцами, чья судьба занимала его больше всего. **Подробное описание беседы** повествователя с крестьянами помогала приобщить читателя к проблемам переселения, познакомить его с проблемами простого труженика. И если В. Г. Короленко для создания характеров и показа проблемы использует, в основном диалог, то у Г.Успенского мы наблюдаем подробную запись повествователем крестьянской речи, имеющей форму монолога.

Пейзаж, в отличие от очерков, рассмотренных нами выше, более образен и лаконичен, он непосредственно вплетается в действие и всегда служит поводом для размышлений повествователя, его ассоциаций и аналогий. Например, вот как автор описывает Кавказ: «Кавказский хребет, подходя к черному морю, как будто смиряется и затихает в своем бунтовстве: довольно он намудрил и напугал человека там, в глубине Кавказа; довольно он там намучил его своими ущельями...И, приближаясь к Черному морю, точно к дому, откуда ушел гулять по белу свету, он как будто отдыхает от своих чудовищных подвигов..» [там же, с. 301]. Сразу же за этим пейзажем появляется «греховодник капитал» в виде нефтепровода, который впоследствии, по мнению автора, изувечит всю эту красоту.

Г. И. Успенский, как всегда, широко использует **статистические данные**, включает в текст извлечения из периодической печати, документов.

Например, писатель демонстрирует нам телеграмму Данкова насчет переселения: «Я набрал уже 119 семейств; желающих очень много. Могу ли продолжать?» Далее демонстрируется ответ округа губернатора «Мещанин Данков телеграфирует, что набрано 520 семейств, желающих переселиться в округ. Благоволите приказать предостеречь переселенцев. На 500 семейств трудно найти в округе земель». Писатель приводит даже отрывок из судебного процесса: «по решению глажевского волостного суда приговорены к телесному наказанию, по 20 ударов, за неплатеж податей крестьяне следующих обществ: из 45 надельных домохозяев... Подцоньевского общества приговорены к розгам 25 человек... таким образом, в течении месяца из 517 домохозяев, населяющих волость, высечено 224 человека (Цифры официальные («Неделя», 1885 год))..[7, с. 323].

Благодаря использованию цифр происходит более глубокое осмысление действительности, а также это позволяет приобщить читателя к далекой от него чужой жизни.

Законченных характеров в этих очерках мы не встретим. Это обусловлено творческой целью художника: воссоздание коллективного портрета крестьян. Писатель не стремится детально воспроизвести психологические переживания своих героев. Ему достаточно выделить в характере персонажа одну – две черты, связанных с теми или иными общественными проблемами. Читаем описание чернорабочих: «толпы человеческих существ с *верблюжьими горбами* на спине, без шапок, без сапог. Искусственные верблюжьи горбы, сделанные из дерева и обшитые кожей, тверды и крепки, и сделаны они в защиту натуральной человеческой спины...» [там же, с. 367].

Очень образно показаны работы трехсот молодых женщин, занимавшихся чисткою шерсти. «Эти триста молодых девушек еще только завязли коготок в железную лапу купона, но раз коготок увяз – так всей птичке пропасть» [там же, с. 385].

Повествователь, являющийся в очерках одновременно и путешественником, и участником происходящего, и наблюдателем, занимает **активную позицию** по отношению к действительности. « В ходе же нашего переселенческого дела и устройства народных масс, ищущих земли и труда, как раз и не видно даже простого и ясного расчета, понимания простой выгоды того, что постановка этого дела на практическую почву общественной пользы есть именно то, что во всяком случае, необходимо сделать без отлагательства» [там же, с. 417].

Гл. Успенский в своем произведении использует все **приемы путевого очерка** – это и мотивы пути и дорожных встреч, и активная роль автора, анализ увиденного, подчеркнутая фактографичность деталей. Форма путевого очерка выбрана Г.Успенским не случайно. Этот жанр мог максимально **синтезировать** и публицистические размышления, и описания природы и мыслей путешественника.

Подводя итоги анализа двух очерковых циклов Г. И. Успенского, можно отметить следующие особенности его творчества: писатель непрерывно искал факты и типы, из-за этого постоянно находился в движении, путешествовал по России, подолгу жил в глубинке. Он умел подмечать в действительности все новое, необычное, усматривать за всем этим общественные тенденции и явления. Ситуации и люди, в них участвующие, выписаны очень детально, не спеша, с публицистическими вставками, с лирическими отступлениями, с экономическими выкладками. Действующие лица очерков Г. И. Успенского типизированы, убедительны, достоверны, документальные же герои встречаются крайне редко. Хотя личность автора присутствует в очерках постоянно, их сюжетом движут герои, как и положено в художественном произведении. Автор присутствует в очерках либо как мыслитель, либо в образе рассказчика. По сути, его произведения – это некий процесс мышления в картинах и типах. Очерки Г.И. Успенского написаны на основе громадного фактического материала, но

не создают ощущения мозаичности и фрагментарности. Напротив, его циклы представляют нам обобщающую картину русской жизни.

Стремление заставить читателя пережить вместе с автором его поиски, разочарования и всю подготовительную работу определяет художественную ткань его очерков. Избранный Г. И. Успенским жанр открывал перед писателем широкие возможности для отображения действительности, для ее всестороннего анализа, для выявления своего, авторского к ней отношения, пропаганды тех взглядов, которые представлялись писателю нужными и важными. Такой очерк давал свободу в построении повествования, связанного не столько сюжетом и историей отдельных героев, сколько логикой развиваемой мысли.

Г. И. Успенский оказал плодотворное воздействие на литературу последующего поколения. На его произведениях 70-х годов сформировался В. М. Гаршин. Как о друге и об учителе, писал об Успенском и В. Г. Короленко.

Время показало, что Г. И. Успенский «делал дело» огромного масштаба и значения. Его работа как публициста, ученого-социолога сослужила большую службу в деле правильной оценки экономического положения России, в плане выявления социальных изменений, происходивших в деревне.

2.2. Владимир Галактионович Короленко и злободневные вопросы времени.

В отношении Владимира Галактионовича Короленко (1853 – 1921) нельзя говорить о каком-либо единстве его стиля или каких-то характерных особенностях. Но его повествовательная манера резко индивидуальна и в тоже время очень характерна для литературы конца XIX века. Истоки этой манеры мы наблюдаем в очерковом начале, восходящем к **натуральной школе**, но, в конце века, перешедшем в выходящую за рамки очеркового начала плоскость.

Писательской работе В. Г. Короленко постоянно сопутствовала его журналистская деятельность. «Павловские очерки» – его первый публицистический цикл. О нем, как и об очерках «В голодный год», мы расскажем отдельно. Писатель всегда оказывался в гуще событий. Например, во время эпидемии холеры, охватившей районы Поволжья, впечатления от которой он излагает в очерке «В холерный год», не пропущенном цензурой. Очерки В. Короленко об Америке, куда он ездил в 1893 году, показали, что американская жизнь, изображенная писателем, была далека от изображения буржуазного режима как безупречного общественного устройства, о чем писала русская либеральная печать. В 1895 г. В. Г. Короленко принимает участие в «Мултанском деле», основанном на клеветническом очернении крестьян-удмуртов, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы богам. Он расследовал все детали преступления и на суде доказал ложность обвинений и добился оправдания крестьян. Писатель всегда считал, что публицист должен активно вмешиваться в жизнь, что он не может быть сторонним наблюдателем.

В. Г. Короленко не принимает натурализм, в произведениях которого действительность лишается героического начала, а человек определяется жизненными условиями и не способен подняться над ними. Отдавая должное

натуралистам за внимание к новым явлениям жизни, В. Г. Короленко считал, что уделом натуралистической литературы становится обычный человек. А романтизм в свою очередь, сосредотачивает внимание на человеке незаурядном, стоящем вне общества, и не способен, по утверждению В. Короленко, объяснить, как сформировалась такая личность. Поэтому новым направлением в литературе должен стать **синтез романтизма и реализма**, в котором исчезнут крайности этих направлений и изменится отношение к герою. «Открыть значение личности на почве значения массы – вот задача нового искусства, которое придет на смену реализма», – пишет В. Короленко. Такого синтеза в литературе конца XIX века не произошло, но писатель никогда не забывал в своем творчестве о романтико-героическом начале в жизни.

В данном параграфе нами будут рассмотрены два произведения В.Г. Короленко – «Павловские очерки» и цикл в «Голодный год».

«Павловские очерки» впервые опубликованы в журнале «Русская мысль» за 1890 год. Промышленное село Павлово являлось для народников ярким образцом народного производства, не имевшего ничего общего с капиталистическим укладом. Такая идеализация жизни павловских кустарей не удовлетворяла В.Г. Короленко. Писатель начал самостоятельно изучать их положение. Впервые В. Короленко посетил Павлово в 1889 году. Повторная поездка в село была в 1897. Жизнь кустарного села В. Короленко изучал по частным архивам местных жителей и по выкладкам экономистов. Писатель также лично знакомился с экономикой и нравами кустарей в самом Павлове. Все свои впечатления он заносил в записную книжку. В.Г. Короленко необходимо было сгруппировать факты таким образом, чтобы максимально правдиво и ярко показать читателям трудовую нищету кустарей, невыносимые условия их работы, их полную зависимость от произвола скупщиков.

Уже во вступлении автор иронизирует над народническими представлениями. Символом реального состояния кустарной промышленности в России становится надтреснутый павловский колокол.

Как и в циклах Глеба Успенского, у «Павловских очерков» нет сюжета как такового. Мы видим здесь ряд картин, связанных размышлениями автора-повествователя. На примере картины скупки можно увидеть, как сплетаются в повествовании **взгляд очеркиста и художника**.

В первой главе своих очерков автор описывает начало скупки – на улицу выходит крупный местный торговец и с фонарем в руках направляется к своему подвалу, а группа кустарей устремляется за ним, прихватывая по дороге встречных. «Это значит, что богачи засветили огни и началась настоящая скупка» [3,с.209]. Дальше В. Короленко уходит от последовательности в описании и факты, максимально выражающие суть скупки, он помещает во второй и третьей главах.

В. Г. Короленко предлагает **два взгляда**, принадлежащие двум противоположным сторонам в этом процессе, которые не только не противоречат друг другу, но и взаимно обогащаются, давая то впечатление, которое было нужно автору.

Во второй главе впервые появляется **образ скупщика**. Что характерно, В. Короленко не называет его фамилии, не описывает его внешности, намеренно лишая его какой-либо конкретности и индивидуальности. Писатель лишает этот образ индивидуальных черт, объединяя в нем черты скупщика как общественного типа. В. Короленко прибегает здесь к своему **приему передачи мыслей героя** посредством несобственно прямой речи. Это позволяет яснее раскрыть смысл и логику происходящего. Например: «Он знает, что все его соседи будут сбивать цену до той степени, до какой только масса будет подаваться. И он должен не отставать от соседей, иначе его товар выйдет дороже, и Москва возьмет у других... Он видит, как люди жмутся, точно испуганные бараны, и думает, что «нонче народ станет

уступать до последнего». Это его не радует и не печалит, он просто принимает это к сведению» [там же, с. 232].

У читателя возникает ощущение пересказывания мыслей, проносящихся в голове скупщика. С помощью этого приема автор позволяет взглянуть на скупку глазами ее вершителя, который подчиняется суровым законам рынка. В картину скупки В. Г. Короленко включает несколько услышанных разговоров. К огню подходит молодой мастер, который не может отдавать свои безукоризненные образцы так дешево, как отдают другие. Осмотрев образцы, скупщик спрашивает:

« –Почем?

– Знаете сами, почем брали.

– Теперь дешевле.

– А как?

– Полтина. Мастер сам берет образцы с прилавка, не дожидаясь, пока их завернет скупщик.

– За полтину этот товар отдавать – солому надо есть, не научились еще дети у нас.

– Научатся – говорит скупщик хладнокровно» [там же, с.233].

Эти разговоры придают изображаемому **характер фактической достоверности** и отчетливее выявляют суть самого описываемого факта.

Третья глава построена на диалоге – кустари рассказывают о том, какими способами скупщики вымогают у мастеров рабочие копейки. Это и «промен» – удержание из заработка кустарей в пользу скупщика денег за размен, и «третья часть», согласно которой кустарь должен забирать у скупщика ненужный ему товар; и штрафы и т.п.

Подобная структура, построенная как диалог повествователя с кустарями, обусловлена особенностями хронотопа дороги и дорожных встреч, с одной стороны, а с другой – **новым**, в сравнении с Г. И. Успенским, **подходом к герою**. Писателя интересует не только, чем является герой в мире, но чем является мир для героя и как он сам пытается осмыслить свою

жизнь и судьбу. Поэтому в очерках громаден удельный вес диалога повествователя и героя, слова героя о себе и о мире. Создав подлинную диалогическую ситуацию, художник может подойти к освещению жизни сознания своего героя. Поэтому диалог никогда не оформляется у него как запись прежних впечатлений, из которых автор давно вышел. **Диалог имеет незавершенный характер**, что и придает самостоятельность и полновесность слову героя. Он становится здесь не безгласым объектом завершающего его извне авторского видения, как у Г. Успенского, но субъектом, обладающим своим голосом и словом.

Это взгляд на скупку с позиции мастеров, показывающий то, что было недосказано в предыдущей главе. Автор с разных позиций рисует одну и ту же картину. Здесь ничего не значит сам человек, здесь действует только закон экономической выгоды. Для В. Г. Короленко важен взгляд изнутри, потому он дает возможность высказаться двум участникам процесса. Этот прием позволяет ему обнажить пружины, которые приводят в действие механизм скупки.

В «Павловских очерках» присутствует и менее явный взгляд на скупку, – взгляд автора. Иногда мы слышим авторский голос в повествовании: «Уступают до слез! Скупщику не нужны слезы. Зачем они ему? В общем, человек, все-таки, человек. И слеза народа иному скупщику, может быть, даже неприятна. Но он ее выжмет» [там же, с.233].

В образе Дмитрия Васильевича Дужкина В. Г. Короленко показывает, какую настойчивость и изворотливость нужно проявить кустарю для того, чтобы добиться положения самостоятельного хозяина. Для этого нужно превратиться в «отвлеченного экономического человека», нужно отбросить все «душевные свойства, все побуждения, все невинные глупости, все страсти, чувства, стремления, кроме простейших стремлений к стяжению богатства...» [там же, 256]. Для этого нужно совершенно отучиться от жалости, приводить к покорности человека в нужде, «захомутывать» его, нужно научиться лишать самостоятельности массу кустарей ради упрочения

собственной. Такие люди, как Дужкин, возможны лишь как исключение, но ни как правило.

В целом же в картине скупки нет даже прямо высказанной авторской оценки, **она не сопровождается публицистическими размышлениями и отступлениями**. Позиция писателя видна в отборе материала и его организации.

Создавая картины жизни кустарей, В. Г. Короленко подводит нас к мысли о том, что они подвергаются наиболее жесткому угнетению. «Нищета есть везде, писал В. Короленко, – но такую нищету, за неисходною работой, вы увидите, пожалуй, в одном только кустарном селе. Жизнь городского нищего, протягивающего на улицах руку, да это рай, в сравнении с этой рабочей жизнью!.. Мы подошли к крохотной избушке, лепившейся к глинистому обрыву. Таких избушек в Павлове много, и снаружи они даже красивы: крохотные стены, крохотные крыши, крохотные окна. Так и кажется, что это игрушка, кукольный домик, где живут такие же кукольные, игрушечные люди ...» [там же, с.291].

Далее писатель изображает увиденную им в доме девочку: «Я не мог вынести ее взгляда... Это был буквально маленький скелет, с тоненькими руками, державшими тяжелый стальной напильник в длинных костлявых пальцах. Лицо, обтянутое прозрачной кожей, было просто страшно, зубы оскаливались, на шее, при поворотах, выступали одни сухожилия... Это было маленькое олицетворение... голода!..» [там же, с.291].

Изображая страшную картину нищенского существования кустарей, В. Г. Короленко доказывает, что причина этого не в субъективных качествах скупщика, а в самом характере капиталистического производства. Подойдя к пониманию его законов, писатель в конце своих очерков предлагает чисто **народническое решение вопроса**, указывая на организацию ссудо-сберегательных товариществ как на выход из положения.

«Павловские очерки» – одно из самых примечательных произведений русской литературы, посвященных жизни кустарей. Писатель нарисовал

потрясающую картину обнищания жителей Павлова, унижаемых скупщиками.

Кроме достоверных фактов и глубокого анализа мы находим в них живые, полные и **художественно законченные образы** представителей «скупщицкого сословия» и рабочих-кустарей.

Изучая положение деревни, В.Г.Короленко также, как и Глеб Успенский, прекрасно видел, что «признаком времени» становится резкое расслоение крестьянства и распад всех «устоев». На все лады воспевающаяся в либерально-народнической литературе гармония интересов «единого крестьянства» представляется писателю-реалисту сплошной фикцией.

С особой силой публицистический талант В. Г. Короленко проявился в очерках «В голодный год». Для писателя данный цикл были продолжением уже определившегося направления. **Авторская позиция** в них выявляется еще более обнажено, чем в «Павловских очерках».

Очерки явились результатом поездки в один из уездов Нижегородской губернии, пострадавшей от голода. Они получили широкое распространение и выдержали семь изданий. Критики отмечали неотразимое эстетическое воздействие и историческое значение книги, высоко оценили практическую заботу писателя о голодающих. В. Г. Короленко изобразил страшную картину голодающей деревни и постарался вскрыть социальные причины голода.

В одном из своих интервью 1892 года он отмечал: « Последние статьи, что я написал, появились на страницах журнала. Это серия очерков «В голодный год». Я не знаю, разрешат ли мне отпечатать их в виде книги или нет.... Существуют очень суровые правила относительно цензуры. Книги менее чем в сто шестьдесят страниц не разрешено печатать до тех пор, пока цензор не прочтет рукопись и не найдет в ней никакого антиправительственного содержания» [62].

Из-за присущей писателю скромности, В. Г. Короленко не рассказал интервьюеру, что очерки «В голодный год» были связаны с работой по

оказанию помощи голодающим крестьянам сел Лукояновского уезда Нижегородской губернии, в частности, с организацией бесплатных столовых. «Приступая к очеркам голодного года, – писал впоследствии Короленко, – я имел в виду не только привлечь пожертвования в пользу голодающих, но еще поставить перед обществом, а может быть, и перед правительством, потрясающую картину земельной неурядицы и нищеты земледельческого населения на лучших землях. Печать оставалась единственным скромным средством общественного воздействия...» [там же].

В этом отношении очерки В. Г. Короленко очень близки к путевым очеркам Глеба Успенского «Письма с дороги», рассмотренных нами выше. «Письма» также были обращены к общественному мнению, к демократически настроенной интеллигенции с целью пробудить чувство общей ответственности. И еще одно важное признание писателя: «В своих очерках я описывал лишь то, что видел. А видел я ужасные вещи, и самое страшное было то, что к этим ужасам привыкали» [3, с. 119].

Дневники и записные книжки В. Короленко вел с первых дней пребывания в Лукояновском уезде. Из записей выросли очерки «По Нижегородскому краю», опубликованные в газете «Русские ведомости» в 1892-1893 годах. Затем газетные статьи переросли в журнальную очерковую серию «В голодный год», появившуюся в «Русском богатстве».

Публицистические очерки В. Г. Короленко при всей сложности поднимаемых в них злободневных вопросов обычно несли в себе нечто большее, чем их непосредственная тема. Встречается в них и вопрос о нравственном укладе общины, и социально-политические проблемы, появившиеся в России после 1861 г., и философия власти, и проблемы юридические. Наблюдения и конкретные факты служили для Короленко-публициста поводом к большим социальным обобщениям.

А. Н. Евстратов дает следующее замечание: «Применительно к очеркам «В голодный год» трудно говорить о сюжете в привычном смысле этого слова, поскольку речь идет о «прямом отражении» фактов действительности,

однако, нельзя вместе с тем не видеть стремления автора придать очеркам сюжетно-композиционную целостность и завершенность» [27, с.32].

Непосредственным записям путевых наблюдений предшествует общее предисловие, выполняющее роль увертюры (по аналогии с «Павловскими очерками»), в которой определены тема, а также жанровое своеобразие книги. В самом начале В. Г. Короленко пишет, что читателю нужны от корреспондента-беллетриста картины, которые бы заставили его пережить весь ужас голода, нужны что-то вроде сообщений о том, что во времена Бориса Годунова голодные матери поедали своих детей. «Поменьше свирепости, господа!» - отвечает В. Короленко, формулируя тем самым свою эстетическую программу. Писатель подчеркивает, что в жизни «свирепостей» немало, но ежедневные бытовые общераспространенные факты, показанные почти в спокойно-объективной манере, оказываются гораздо страшнее, чем крайние грани бедствия. Именно они и помогают понять причины народного горя. Прежде всего, эти причины кроются в самой государственной системе.

В жанровом отношении очерки «В голодный год» очень близки к **путевым очеркам**, содержащим в себе именно путевые наблюдения во время поездки по голодающим деревням. Особенность этой поездки состояла в том, что она являлась целевой поездкой, во время которой В. Г. Короленко стремился совместить две задачи: **наблюдение и практическую работу**. Этими задачами определялись содержание и особенности формы этого произведения. К наблюдениям над жизнью голодающего населения присоединялось изображение практической деятельности писателя: открытие столовых, оказание денежной помощи и т. п. Автор дает свое объяснение голода, принципиально расходившееся с официальным – помещичьим толкованием. Суть его сводилась к тому, чтобы свалить всю вину на крестьян, обвинив их в лени и пьянстве. Некоторые помещики и чиновники пытались доказать, что никакого голода нет, поэтому не стоит баловать мужиков оказанием им помощи. По словам писателя, это был

«систематическая ненависть и презрение к мужику, возведенные в принцип» [4,с.156]. Так обозначилась необходимость полемики, опровержения несправедливых обвинений народа со стороны властей и помещиков. Позже В. Короленко скажет, что «В голодном годе» он старался защитить народ против огульных обвинений.

Автор предупреждает, что он «не станет гоняться за раздирательными сценами и эффектами голода». «Я не имел несчастья, – пишет он, – присутствовать при агонии голодной смерти, и не намерен нарочно разыскивать эти картины и терзать ими нервы читателя. А голод, в его настоящем значении, я все-таки видел...» [4, с.102].

Своеобразие жанра и метода своих очерков автор определил в предисловии: «Это – мой дневник, писал он, – факты, картины, мысли и впечатления, которые я, усталый и порой глубоко потрясенный всем, что доводилось видеть и чувствовать за день, заносил вечером, по старой профессиональной привычке, в эту истрепавшуюся дорогой книжонку, где-нибудь в курной избе, в гостинице уездного города, в помещичьей экономии. Пусть это неполно, сбивчиво, необработанно и не цельно. Зато – это прямое отражение той самой жизни, которая, со всеми своими парадоксами, проходила перед моими глазами...» [там же, с.100]. Говоря о «прямом отражении», В. Г. Короленко хотел подчеркнуть максимальное приближение к природе и отсутствие художественного вымысла.

Итак, перед нами – **путевой дневник**, фиксирующий картины, факты, мысли и впечатления поездки. Вся командировка расписана здесь по дням, и даже по часам. Точность календарного графика, подтверждается записными книжками – первоисточником очерков. Каждая глава – это новые места, новые лица, новые наблюдения и впечатления. Структура содержания очерков, как ее определил автор: факты, картины, мысли и впечатления – характерна именно для путевого очерка. Особенность жанра путевого очерка – движение автора-путешественника в пространстве и во времени и связанная с этим смена наблюдений, встреч, авторских размышлений,

проявляется у В. Короленко по-своему. Для его очерков характерна **плотная концентрация**, сгущенность **фактов** на сравнительно небольшом пространстве. Вся поездка, занявшая около 6 месяцев, территориально ограничивалась лишь одним уездом. А все увиденное, обдуманное и сделанное здесь составило целую книгу.

Публицистичность в очерках явно преобладает над художественностью. «Прямое отражение жизни» часто переходит в протокольную документированную запись с цитатами из официальных документов, циркуляров, распоряжений, с точным указанием календарных дат посещения той или иной деревни: «Одиннадцатого марта, в двенадцать часов, мы открыли нашу первую столовую в Елфимове – Майдане». «Двенадцатого марта открыта вторая столовая в селе Пичингушах... Семнадцатого марта, часов около двух, мы подъезжаем к Петровке... Восемнадцатого марта мы опять отправляемся составлять наши списки» [там же, с.223].

В. Г. Короленко не останавливался перед натуралистическими подробностями во время описания страшной «черной» болезни – сифилиса, поразившей почти все население маленькой деревушки Петровки. Подробности эти мы снова узнаем через диалог: « – Да еще вот, женщина у нас больная... Рот у нее вовсе теперича открылся, нос проваленной. Что хошь с ней делай. – Действительно, ваше благородие, дух от нее пошел, терпежу нет. Лежит на печке, в избу не войдешь... – Много ли у вас таких больных? – Есть, прямо сказать, несколько, – говорит староста» (несколько в этих местах означает много)» [там же, с.241].

О некоторых сценах и случаях В. Короленко не мог умолчать, особенно при описании страданий неизлечимо больных детей. Писатель приводит потрясающий случай, когда измученная, изголодавшаяся девочка «по четвертому году» просит мать закопать ее в землю. «Зарой, говорит, меня, мама, в земельку». «Господи! – Что ты, – я говорю, милая моя. Нешто живых-те в земельку зарывают?».. – « А ты меня зарой» говорит... И то...

кабы такая вера: легла бы и с девочкой в землю-те, право, легла бы...» [там же, с.210]. Тема детских страданий, затронутая в «Павловских очерках», становится более устойчивой.

Сила воздействия очерков «В голодный год» определялась не только большим количеством впечатляющих фактов, но и их идейно-художественным обобщением. В. Г. Короленко не просто группирует эпизоды, он обсуждает положение. Сочувствует и негодует, высказывает свое «особое мнение». Как правило, **выводы и обобщения** следуют в конце каждой главы. Например, в конце главы «Христовым именем», в которой речь шла о нищенстве. «Читатель, надеюсь, согласится со мною, что явление, которое я пытался обрисовать здесь беглыми чертами, – полно глубокого смысла и заслуживает самого серьезного внимания. Нищенство на Руси – это грандиозная сила. Для внимательного взгляда – это показатель самых серьезных и глубоких изменений в глубинах народной жизни. Вспомним хотя бы о том, что все самые мрачные страницы нашей истории всегда обильны стереотипным припевом: «толпы нищих бродили по дорогам»... И самая страшная историческая ошибка состояла в легкомысленном мнении, что с этим явлением можно бороться внешними мерами» [там же, с.256]. В данном примере мы встречаем не только прямую апелляцию к читателю, желание автора заострить его внимание на своих словах, но и собственные глубокие рассуждения на эту тему.

Как ни подавлен был В. Г. Короленко трагедией народной жизни, все-таки он с надеждой смотрел на будущее. В связи с этим обратим внимание на эпизод, полный глубокого оптимистического смысла. По дороге из деревни в деревню писатель встретился с женщиной-крестьянкой. Это была не обычная нищенка. Из ее рассказа выяснилось, что муж ее отправился на заработки, оставив с малыми детьми. А она решила снять землю и нанять работника, согласившегося с условием, что пять рублей он получит в рассрочку, а рубль необходимо уплатить ему теперь же. Женщина пошла из деревни в деревню, чтобы собрать по копейкам этот рубль. В. Короленко тронул ее рассказ: « Я

даю ей этот несчастный рубль, – пишет он, за которым она бродит в голодной стороне по бездорожью, и чувствую, что я перед ней в долгу... Эта бодрая забота о земле, о детишках, этот неведомый работник, заранее, где-то в другой губернии, налаживающий соху и «расчисливший пять рублей на сроки, эта неумирающая надежда на лучшие дни, – все это вместе ободрило меня, рассеяло мое малодушие. Да, может быть, и будут еще на Руси эти лучшие дни... будут! Хотя бы далеко, за этими тучами и вьюгой...» [там же, с.311].

Завершает книгу «Особое мнение В. Короленко», фигурирующее в качестве приложения, но органично связанное с содержанием очерков и заключающее в себе **выводы и рекомендации**.

Подводя итоги, можно сказать, что для большинства социально-бытовых очерков В. Г. Короленко характерно беллетристическое начало и научная система обобщения фактов. В своих очерках писатель сталкивает уже сложившиеся формы социальных отношений с идущими им на смену, его интересуют явления, происходящие на стыке различных социальных укладов.

В творчестве В. Г. Короленко на первый план выступает соотношение очеркового начала с сюжетно-повествовательным, или романном. От очеркового начала у В. Короленко сохранилось особая наблюдательность, характерная не столько для писателя, сколько присущая самому рассказчику, ведущему повествование. **Повествование перепоручается** определенным персонажам. В результате складывается особая повествовательная система, образованная различными речевыми напластованиями разных сюжетных планов и соотношением различных временных пластов («рассказ в рассказе», несоответствие времени рассказывания времени происходящих событий, включенность в событийный ряд самого автора и др.).

В. Г. Короленко всегда различал задачи художника и очеркиста. Основными **критериями очерка** для писателя являются: субъектная форма повествования, показ событий и людей с помощью пространственно-

временного совмещения двух рассказчиков, интерес к этнографической и бытовой детали, портрет героя, воссоздание его социального и языкового поведения специальными лексическими средствами, незначительный вымысел.

Проанализировав два цикла очерков В. Г. Короленко, можно сделать следующие выводы: все свои эмоции, мысли и идеи писатель облакал в журналистские формы очерка. Его тексты строго выстроены, автор крайне редко допускал отступления от стержневой темы. Изложение материала бесстрастное, эмоции прорываются, как правило, в заключительной части (иногда во вступлении).

В отличие от Г. И. Успенского, свободных разведочных поездок у В. Г. Короленко случалось мало, поэтому он использовал журналистский способ сбора материала. В качестве корреспондента он выезжал туда, где случались трагедии, привлёкшие внимание общества, и проводил журналистское расследование. Его публицистика по стилю нередко напоминает сухой протокол, чего требовали обстоятельства, потому что автор выступал и в качестве следователя, и в качестве адвоката. Он понимал, что самым убедительным документом является только факты, которые он добывал крайне настойчиво и самоотреченно. Несмотря на стопроцентную документальность очерков В. Г. Короленко, они производят ощущение типизированных полотен. Он глубоко проникал в проблему, искал и находил смежные темы и, таким образом, исследовал, по его словам, «весь порядок вещей» в обществе.

2.3. Всеволод Михайлович Гаршин. Больная совесть кающегося дворянина

В истории русской литературы Всеволод Михайлович Гаршин (1855 – 1888) занимает совершенно особое, яркое и своеобразное место. Писатель прожил всего 33 года, его произведения составляют один том, но то, что он создал, навсегда вошло в классику русской литературы. Его высоко ценили Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев, А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Он прочно вписался в историю литературы как властитель умов русской интеллигенции восьмидесятых годов.

Личность В. Гаршина окружает ореол какого-то мученичества, который бросает отсвет и на его писательскую судьбу. При жизни писателя среди русской интеллигенции было распространено понятие «человек гаршинского склада». Это понятие включает в себя то светлое, что видели в нем знавшие его современники. Близкие люди, родные, друзья, знакомые, с которыми столкнула судьба в армии, на службе или еще где-нибудь – все отмечают необычайное обаяние Гаршина, благородство, доброту, редкое нравственное совершенство, существовавшее в гармонии с необычной физической красотой.

А. П. Чехов метко схватил основную черту личности В.М. Гаршина, которая определила и характер его творчества, – **способность страдать чужой болью**, мучаясь от нее, как от собственной. На его прозе лежит отпечаток бесконечной грусти. Эту грусть нередко приписывают духовной болезни: ежегодно с ним случались припадки меланхолии. Но и сама эта болезнь, по мнению многих, его любивших и знавших, – следствие того беспокойного времени, в котором пришлось ему жить.

Развитие самосознания В. Гаршина совпало со **вторым послереформенным периодом**: народничеством в литературе и общим подъемом национального чувства перед разразившейся войной. Молодые

люди не могли оставаться равнодушными, – нужно было, так или иначе, служить взбудораженной общественной массе.

Контакты молодого В. Гаршина с демократической интеллигенцией 60-х гг. способствовали его знакомству с **идеями шестидесятников**, окрасившей все творчество писателя. В отличие от В. Г. Короленко, у которого уже сложились определенные общественные убеждения к началу его художественного творчества, В. М. Гаршин все время испытывал напряженные идейные искания, нравственную неудовлетворенность, но он также как В. Короленко, явился не просто выразителем общественных умонастроений, но и голосом общественной совести.

От Глеба Успенского к В. Гаршину переходит резко субъективный тон большинства его произведений, образ человека, уязвленного злом мира. При всей близости к нему, писатель не считал необходимым смешивать образы и формулы, показывать «всю подготовительную работу». В. М. Гаршин имел убеждение в том, что повествование, порожденное большими жанровыми формами, с большим трудом подчиняется гармонии, а, следовательно, и красоте. И. И. Репин в своих воспоминаниях передал следующий монолог писателя на эту тему: « Есть в Библии «Книга пророка Аггея». Эта книга занимает всего вот такую страничку. И это есть книга! А есть многочисленные тома, написанные опытными писателями, которые не могут носить почетного названия книги, и семена их быстро забываются. Мой идеал – Аггей. И если бы вы только видели, какой огромный ворох макулатуры я вычеркиваю из своих сочинений» [2, с.35]. Написано В. Гаршиным совсем немного – несколько десятков рассказов, сказок и новелл. Но это немногое принесло в литературу нечто такое, чего в ней раньше не было.

Сергей Аркадьевич Андреевский, пересматривая рассказы и очерки В. В. Гаршина, разделяет их на три категории: военные («Четыре дня», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Трус»), психиатрические («Красный цветок» и «Ночь») и назидательные («Художники», «Встреча», «Сказка о

жабе и розе»). Критик также отмечает, что: «Произведения Гаршина всего менее могут быть названы рассказами. Рассказ, прежде всего, должен быть занимательным: в нем предполагается интересное событие с быстрой развязкой, сжатая бытовая картина, маленькая драма или комедия, – словом, действие ускоренное и сконцентрированное на малом пространстве. В его произведениях преобладают картины, чувства, идеи; завязки почти нет – в общем, эти очерки скорее можно назвать идейными стихотворениями в прозе, чем рассказами»[61].

Литературная деятельность писателя началась в 1876 году с очерка **«Подлинная история Энского земского собрания»**, написанного в духе сатиры. В нем отразились его впечатления от города Старобельска, в котором В. Гаршин некоторое время жил с отцом.

Решив опубликовать очерк о том, как господа земцы отказали в помощи голодным крестьянам, – «Подлинную историю Буржумского земского собрания», редактор «Молвы», А. А. Жемчужников, сообщил, что вынужден «по чисто внешним соображением заменить выражение Буржумское земство выражением Энское земство».

В письме к Н. М. Золотиловой В. М. Гаршин пишет: «Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов («Земское Собрание») и на этой неделе понесется в редакцию. Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого Старобельска» [2, с.19].

Злободневную в конце 70-х гг. **тему ограниченности земской деятельности** В. Гаршин раскрыл в духе традиций демократической сатиры 60-х гг. Произведение отличается социальной остротой и искренним сочувствием за «освобожденных» крестьян. В небольшом по объему газетном фельетоне В. Гаршин поднял самые важные вопросы времени: голод в деревне и равнодушие к нему земских гласных. В учреждениях земств, обязанных представлять народные интересы, но на деле, далеких от народа, происходит дешевая игра в парламентаризм.

Данный очерк построен на многочисленных диалогах, лишь немного разбавленных словом автора. Писатель не сразу вводит читателя в тему своего очерка. Сначала мы наблюдаем, как обыватели города направляются к местному клубу, в котором собирается весь город. Затем идет ироническое описание буфета: «Буфет берется приступом. Рюмки водки и бутерброды исчезают с невероятной быстротой; под влиянием винных паров представителей нужд и потребностей населения делаются еще развязнее» [1, с.311-312]. С помощью **прямой речи** наиболее полно раскрываются характеры действующих лиц, читатель как бы сам принимает участие в этой «истории». Проблема вырисовывается только после следующего диалога:

– Вот, господа, как наш – то уезд себя знать дает! Мужскую прогимназию открыли, женскую откроем! Железную дорогу выстроим! Вот как у нас! – Вы бы прежде позаботились о мерах против голода, грустно говорит какой – то маленький человечек – не земец [там же, с.312].

Пристальное внимание В. М. Гаршина к тому, что происходит здесь и сейчас служит причиной отсутствия каких-либо развернутых зарисовок и сведения пространства к чему-то ограниченному, замкнутому.

Во второй части автор дает **описание совещания** «Энской уездной земской управы». «Целая скамья была занята массивными телами в коричневых и лиловых шелковых рясах...За духовенством поместились гласные из волостных старшин и вообще все смертные, одетые не в рясы и не в сюртуки. Уныло понурив свои головы, слушали некоторые из них доклады управы: «о внушении учителям сельских школ, чтобы они держались при преподавании арифметики метода Грубе; о дезинфекции вод реки Рохли ниже шерстяных моек купца Абдулина» и пр. и пр.» [там же, с.314].

Но самый злободневный вопрос – проблема голодающего уезда. В. М. Гаршин, как внимательный очеркист, приводит «живые цифры» – сведения управы «о количестве необходимого в 187... году пособия для лиц, нуждающихся в хлебе... писалась красиво разграфленная ведомость, выставлялись в ней имена крестьян и против каждого имени более или менее

хитрая цифра, как то: 21 р.43 $\frac{1}{4}$ к., 41 р.83 3,8 к. и т.п. Сумма, необходимая для предотвращения голода, вышла если не круглою, то значительною, а именно достигла до 441 843 р. 7 $\frac{1}{8}$ коп. – Послать, разузнать о голоде! Враки-с, враки-с, враки-с! Что за голод, помилуйте! Энский уезд, так сказать. Древняя житница в некотором роде!» [там же, с. 315-316]. Внимательный читатель обнаружит здесь параллели с очерками В. Г. Короленко «В голодный год», который отправился по деревням с целью документальной регистрации фактов голода и опровержения заявления чиновников о том, что никакого голода нет.

В очерках В. М. Гаршина описанию природы отводится не много места, тем не менее, она не лишена повествовательных функций, служа скорее фоном произведения. Например: «К одиннадцати часам тучи собрались над самым городом, сверкнула белым зигзагом молния, грянул гром и полил проливной дождь». Это предложение введено в очерк не просто в качестве отступления. В. Гаршин продолжает: «господа гласные собрались на заседание собрания в мокрых костюмах; быть может, и это обстоятельство было одною из причин нижеследующего события». Событие заключалось в том, что на собрании произошел спор из-за того, что Николай Дмитриевич и Иван Петрович не согласился с выдвижением Николая Дмитриевича на роль нового члена управы. Автор пишет «Тотчас же ... кричащие представители самоотверженно решились ретироваться из залы собрания, чтобы не превратить этого поля гражданских подвигов в место беспорядка и насилия» [там же, с. 319]. Из приведенного выше отрывка мы можем сделать вывод, что пейзажные и портретные наброски способствуют выявлению причин поступков героев и многократно увеличивают эмоционально-авторское влияние на читателя.

Одна из важных особенностей прозы В. М. Гаршина – отказ от русской классической традиции именованя персонажей произведений: имена героев довольно безлики, неразличимы. В данном очерке мы встречаем сумасшедшую нищую Марью Ивановну, председателя земского собрания

Ивана Ивановича, Николая Дмитриевича. В. Гаршин не создавал характеры, в отличие от того же Г. И. Успенского – все действующие лица были представлены им с какой-нибудь одной стороны. Это своеобразные фигуры без наружности.

Известному критику того времени, Н. К. Михайловскому, скорбь, пессимизм и независимость В. Гаршина от народнических утопий внушала тревогу. Он советовал молодому писателю показать победу человеческого достоинства. «Не потому мне этого хочется, что человеческое достоинство часто торжествует в сей юдоли плача и беззакония. ... Нет, вообще говоря, это торжество пока слишком редкое, но пусть же эта редкость блеснет в творческой фантазии г. Гаршина, хотя бы только как возможность, и разгонит мрачные тучи безнадежности, заволакивающие его горизонт» [37, с.331].

Трагическое начало, пронизывающее всю гаршинскую прозу, находится и в основе поэтики его военного очерка «Аясларское дело». Его лейтмотив – жестокость войны, уничтожающей все человеческое в человеке.

В предисловии к гаршинским сочинениям знаменитый исследователь его творчества, Владимир Ильич Порудоминский, пишет: «О войне пишут много и разно, но что-то должен был Гаршин свое сказать, прежде никем не вымолвленное, и сказать по-своему, чтобы всякий, эти его неполные десять страничек прочитавший, вдруг остановился, огляделся, задумался, все сказанное перечувствовал, выстрадал, переболел им...» [44, с.4].

Этот очерк автобиографичен. В начале русско-турецкой войны писатель отправляется добровольцем в действующую армию, принимает участие в Болгарском походе и получает ранение в бою при Аясларе. Очерк впервые был опубликован в прибавлении к газете «Новости» – «Воскресное чтение», в 1877 году. В. М. Гаршин продолжает тему военных бедствий и страданий, начатую им в рассказе «Четыре дня», в один миг сделавшего его знаменитым, но драмы осознания войны здесь нет. Тон очерка подчеркнута

объективен, рассказчик крайне сдержан и суховат, он почти не говорит о своих мыслях и переживаниях. Сами факты должны говорить за себя.

В этом очерке автор дает читателю возможность проникнуть во внутренний мир героя, передать его ощущения через призму сознания. Внимание читателя вслед за героем акцентируется на отдельных картинах, в которых подробно описывается его визуальное восприятие. Например: «Я лежал на спине и смотрел сквозь ветви на потемневшее небо. А выстрелы гремели и гремели. Вершины деревьев на мгновение озарялись красным светом и потом казались еще страшнее и мрачнее» [1, с.322]. Эта фиксация внимания на отдельных моментах позволяет посмотреть на мир глазами героя.

Автор рассказывает об обычном военном походе, нужно пройти совсем немного, но стоит смертельная жара, нет ни малейшего ветерка, солдаты изнемогают. «Когда, на полудороге, нам дали отдых у колодца, люди, едва успев составить ружья, буквально попадали на землю» [там же, с.323].

О себе рассказчик или не говорит ничего, или ограничивается двумя-тремя скупыми словами: «Как дошел я – решительно не помню, но все-таки дошел, другие были менее счастливы» [там же, с.324].

На протяжении всего очерка автор ведет свое повествование с поразительным **спокойствием тона**. И чем спокойнее тон, тем более зловещим он, порою, кажется. Например, рассказчик передает свой разговор на привале с соседом. О нем сказаны всего две фразы: «Он был замечательный красавец, голубоглазый, стройный, ловкий. Он лежит теперь на Аяслярской горе, и от его голубых глаз и прекрасного лица ничего не осталось» [там же, с.331]. Совершенно спокойным тоном описываются и эпизоды сражения: «Лежавшие изредка вскрикивали, стоявшие за деревьями и на коленях, падали иногда с криком, иногда молча» [там же, с.332]. Один солдат «повалился ничком: осколок гранаты ударил ему в пах, вырвав внутренности».

Автор просто **регистрирует факты** и детали, стараясь с полнейшей точностью передать их читателю, который сам должен связать их в одно целое и осветить обобщающей мыслью. Рассказчик стремится обстоятельно передать звуки боя: ружейная стрельба «стучит» сначала редко, «как будто бы рубили лес в несколько топоров», потом переходит в сплошную трескотню; гранаты, когда летят, то визжат, а когда приближаются, то скрежещут и хлопают. Все эти подробности также заставляют читателя почувствовать себя участником событий.

В этом очерке, как собственно, и во всей прозе В.Гаршина, описанию природы отводится мало места. Оно представляет собой перечисление признаков общего вида местности. «Чуть встало солнце, нас подняли, дорога пошла в гору» [там же, с.330]. Пейзаж в очерке – это не только место, где происходят события, это еще исправная точка повествования. От зарисовок пейзажа веет безмятежностью, тишиной и покоем. «Жара была смертная, больше 35 градусов в тени, и ни малейшего ветерка. Как будто все умерло: кукуруза не шелестела своими еще темно-зелеными листьями; ветви и листья попадавшихся нам грушевых деревьев были неподвижны. Ни одной птицы не увидели мы во время перехода» [там же, с.331]. Автор акцентирует на этом свое внимание для того, чтобы все дальнейшие события воспринимались «на контрасте».

Иногда детали приобретают более **глубокий психологический смысл**. Например, в следующем эпизоде: перед боем солдаты тихо разговаривают, и никто даже намеком не вспоминает родных и друзей, оставшихся на родине. «Как будто бы все забыли прежнюю жизнь», – замечает автор, не комментируя это «странное обстоятельство». Читатель сам должен почувствовать эту сдержанную отрешенность от всего перед лицом возможной смерти. С такой же простотой и скромностью, без патетики и умиления, автор говорит о героизме простых солдат, не произнося самого слова «героизм» и приводя одни только факты. Например, рассказчик лежит

рядом с солдатом Софийского полка, а полк этот уже уступил место тому, в котором служит рассказчик.

«– Вы бы ушли, земляк, – сказал я ему, – ведь ваш полк спустился. – Да уж все одно, постоим до конца! – отвечал он» [там же, с.332].

И больше ни строчки об этом эпизоде. Этот неизвестный солдат появился только для того, чтобы произнести слова, полные скромного героизма. Сам рассказчик также «стоит до конца». В бою он замечает, что оказался один – между своими и турками. В этот момент он слышит жалобную просьбу о помощи раненного молодого солдата и забывает все. Он пытается унести раненого, но тот уже мертв. Через минуту он сам падает, как от удара огромным камнем, из ноги льется кровь.

Этот эпизод рассказан вовсе без героических интонаций. Наоборот, последние слова свидетельствуют скорее о человеческой слабости. В момент ранения, признается солдат «я вдруг сразу вспомнил все: родину, родных, друзей, и радостно подумал, что я еще увижу их» [там же, с.333]. Эта деталь придает особую убедительность и достоверность его рассказу. Мы ясно осознаем тот факт, что человеческая личность, со своими страданиями и радостями, оказывается кирпичиком в этом страшном пьедестале. Именно это и ужасает главного героя, остро ощущающего ценность конкретной человеческой жизни.

Результаты анализа очерков В. М. Гаршина показывают, что его небольшие произведения глубоко реалистичны. Для них характерны точность наблюдения и определенность выражения мысли. Метафор или сравнений у него крайне мало, вместо этого – простое обозначение предметов и фактов. Отточенная, короткая фраза, без придаточных предложений в описаниях. В. М. Гаршин, в отличие от Г. И. Успенского и В. Г. Короленко, изображал не большой внешний мир, а свой собственный. Угнетение человека человеком, сознание ответственности за зло, царящее в области человеческих отношений – основная тема писателя. От общественной несправедливости спасаются герои В. Гаршина, уходя на

войну, чтобы там, если не помочь народу, то хотя бы разделить с ним его нелегкую участь. Но, к сожалению, это не было разрешением социальной проблемы. Писатель не знал выхода, и потому его творчество проникнуто глубоким пессимизмом.

В. М. Гаршин не принимает реализм натуралистического толка, отстаивая при этом «красоту», как художественную категорию, столь сильно повлиявшую на весь облик его психологической прозы. В его произведениях основные мотивы времени приобрели ту художественную и психологическую законченность, которая обеспечивает им долгое существование в литературе. В современных учебниках имя В. М. Гаршина стоит рядом с именами классиков русской литературы XIX века. А его творчество начинают рассматривать с позиции «философского реализма».

Заключение

Итак, нами был рассмотрен жанр очерка в русской литературе конца XIX века.

Жанровая природа очерка – в соединении публицистического и художественного начал. Публицистическое начало выражается в опоре на факты. Автор старается так их сгруппировать, чтобы они придавали жизненность социально значимому характеру. Художественное начало определяется стремлением публициста создать достоверную картину действительности с помощью образного мышления, при котором картины, ситуации и характеры социально типизируются. В беллетризованном очерке границы факта размыты, ситуация выглядит максимально обобщенной: вместо реальных событий и людей мы наблюдаем действие, созданное фантазией публициста.

В первой главе мы выяснили, что полноценная история очерка как жанра начинается с XIX века, а именно, со времени появления этого жанра в периодической печати. Изменение российской действительности особенно способствовало расцвету очеркистики.

Характерная особенность рассматриваемого нами времени – усиление роли писателя в жизни нации. Независимо от степени личной художественной одаренности, он оказался фактором общественной жизни. В конце XIX века очерковая литература была направлена прежде всего на изучение социальных проблем, связанных с русским крестьянством. Русская реалистическая литература двигалась по пути создания целостного образа России, что, в свою очередь, оказало огромное влияние на искусство пейзажа, на создание характеров, на стиль произведения в целом.

Также в первой главе нами были рассмотрены само понятие жанра очерка, основные его разновидности и типы. Общее определение очерка такого: очерк является публицистическим жанром, образно отражающим

события, явления действительности, а также героев этих событий и явлений. От других литературных жанров он отличается конкретностью, предельной точностью воспроизведения реальных фактов, адресностью и подчеркнутой проблематичностью. Из разновидностей очерка самыми основными являются, прежде всего, художественный и документальный, а также более конкретные его виды – портретный, путевой и проблемный.

Мы выяснили, что существуют три основных типа построения очерковой композиции. Это такие очерковые структуры, как хроникальное построение (описание событий в их временной последовательности), логическое (построение, основанное на причинно-следственных связях) и эссеистская, или свободная форма. Автор очерка не обязан в образной форме разворачивать действие, поэтому сюжет в очерке может совершенно отсутствовать. Большое значение имеют публицистические рассуждения, научные обобщения, пейзажные зарисовки и ассоциации.

Вторая глава посвящена непосредственному исследованию очерков писателей конца XIX века – Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и В. М. Гаршина. Анализ жанрово-стилевых особенностей позволил показать, что очерк, при кажущейся безыскусности и простоте, довольно сложный жанр, в рамках которого создается целостная и завершенная картина мира.

Сплочение литературного триумvirата, во многом определившего пути развития русской прозы 80-90-хг., происходило на почве художественного реализма, который стал обогащаться не только художественными достижениями романтизма, что отразилось в меньшей мере в очерках Г. И. Успенского, а большей – В.Г.Короленко и В. М. Гаршина, но и символизма.

Для Глеба Ивановича Успенского, как для крестьянского писателя, главная задача состояла в том, чтобы нарисовать общую картину жизни деревни, уловить существенные процессы, происходящие в ней. Он непрерывно искал факты и типы, постоянно находился в движении, путешествовал по России, подолгу жил в глубинке. Действующие лица его

очерков типизированы, убедительны, достоверны (напр., Иван Афанасьевич), документальные герои встречаются крайне редко.

Жанровое новаторство Г. И. Успенского проявляется в создании циклов очерков, единство которых обеспечено общей идеей. В его очерках «Из деревенского дневника» нет единства сюжета как такового, композиция основана на причинно-следственных связях. В очерковом цикле «Письма с дороги» Г. И. Успенский использует все приемы путевого очерка: мотивы дороги и случайных встреч, отражение субъективных впечатлений, оперирует приемом включения в текст статистики, извлечений из периодической печати, применяемых с целью художественного анализа действительности. Автор, не предлагая готовых выводов, и являясь активным действующим лицом, вступает с читателем в прямой разговор. Стремление заставить читателя пережить вместе с ним его поиски, разочарования и всю подготовительную работу определяют художественную ткань его очерков.

Писатель и журналист, Владимир Галактионович Короленко, острые социальные темы воплощал в совершенно художественной форме, что и обеспечивало ему высокую популярность у современников. Для исследования он выбирает сложнейшие проблемы современности. Именно в такой форме написаны «Павловские очерки». Здесь, как и в очерках Г. И. Успенского нет сюжета как такового, вместо него мы видим ряд картин, связанных размышлениями автора. У В. Г. Короленко наблюдается совершенно новый подход к герою: писателя интересует не только то, чем является герой в мире, но и то, чем мир является для героя. Его тексты строго выверены, материал изложен беспристрастно и по стилю напоминает сухой протокол. Но, несмотря на преобладающую документальность очерков В. Г. Короленко, они производят ощущение типизированных полотен.

Писателю было свойственно непосредственное участие в событиях, свидетелем которых он является. Так, в поездке по нижегородскому краю В. Г. Короленко не ограничивался одной лишь журналистской деятельностью, он также содействовал спасению страдающего от голода и эпидемий народа.

Свои впечатления он вынес на страницы очерков «В голодный год». Эти очерки, подобно предыдущим, имеют документальную основу, в них велика роль публицистических отступлений и этнографических описаний, они также как и очерки Г. И. Успенского, построены на хронотопе дороги. Нижегородские путевые очерки В. Г. Короленко, в силу ряда причин, являются актуальными и сейчас, поскольку в них ставится вопрос провинции в жизни России.

Еще один писатель этого времени – Всеволод Михайлович Гаршин, важнейшей своей задачей считал шлифовку каждого слова, удалению всего того, что могло бы помешать восприятию произведения. Он, в отличие от Г.И. Успенского и В. Г. Короленко, изображал не большой внешний мир, а свой собственный, поэтому его очерки очень сжаты и психологичны. Угнетение человека человеком, сознание ответственности за зло, царящее в области человеческих отношений – основная тема В. М. Гаршина. Его военный очерк «Аясларское дело» пронизан пафосом неприятия войны как бесчеловечного способа решения социальных и политических конфликтов.

Интерес В. М. Гаршина к внутреннему миру человека определяет в его очерках и образ окружающего мира. Небольшие пейзажные зарисовки вплетаются в переживания героев, служа фоном повествования. Герои у писателя описаны очень кратко. Акцент, как правило, делается на какой-либо одной детали. Анализ примеров употребления прямой речи показывает, что для автора важно передать истинные мысли героев, поэтому косвенная и несобственно-прямая речь встречается гораздо реже. В очерках В.М. Гаршина рассказчик, как правило, является участником происходящих событий.

Вклад очеркистов в историко-литературный процесс конца XIX века трудно переоценить. Очерки Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и В. М. Гаршина заставляют исследователей пристально вглядываться в этот жанр как особый художественный феномен. Их очерковое творчество оказало несомненное влияние на общее развитие русской литературы конца XIX

века. Критики указывали на родство с ними М. Горького, А. П. Чехова и многих других.

Исследование творчества представленных авторов показало, что наиболее характерным для данного времени был путевой очерк, совмещавших в себе и другие его виды – проблемный и, в меньшей степени, портретный. Во всех представленных очерках с особой силой выступает личность автора. Именно авторские рассуждения являются основным условием движения сюжета. В рассмотренных нами очерках, можно выделить автора-свидетеля («Павловские очерки»), автора-исследователя («Письма с дороги»), автора-лирического героя («Аяслярское дело»).

Пейзажные фрагменты используются как способ обрисовки условий, в которых происходят события. Условия жизни описаны очеркистами при помощи деталей и подробностей – тех элементов изображения, без которых не возникает ни картина действия, ни образ человека. Таким образом, рассмотренные нами очерки отлично характеризуют особенности развития и документальной, и художественной литературы.

Сегодня все чаще журналисты обращаются к жанру очерка. Современное российское общество постоянно нуждается в анализе происходящих событий. Именно очерк, выявляя самые разнообразные проблемы современности, предоставляет обществу такой анализ, воплощенный в яркой художественной форме.

В дальнейшем возможно исследование природы художественно-публицистического очерка современного времени, обнаружение новых черт этого жанра, выявление оригинальных художественных приемов и сопоставление очерков писателей различных культурно-исторических эпох.

Библиографический список

I.

1. *Гаршин, В.М* Сочинения [Текст] / В. М. Гаршин М; «Сов. Россия», 1984.– 428с.
2. *Гаршин, В.М.* Избранные письма (1874-1887) [Текст] / В.М.Гаршин; М.: Изд. «Книга по требованию» 2011. – 40с.
3. *Короленко, В.Г.* Собрание сочинений в 10 томах. Том 5 [Текст] / В.Г.Короленко; М.; Правда, 1953. – 414с.
4. *Короленко, В. Г.* Собрание сочинений в 10 томах. Том 9 [Текст] / В.Г. Короленко; М., ГИХЛ, 1955, – 485 с.
5. *Короленко, В. Г.* О Глебе Ивановиче Успенском. Черты из личных воспоминаний [Тест] / В.Г. Короленко; Изд-во «Лань», 2013. – 125с.
6. *Успенский, Г.И.* Собрание сочинений Том 4[Текст] / Г.И.Успенский; М.: Худ. лит, 1956. – 606 с.
7. *Успенский, Г. И.* Собрание сочинений Том 7 [Текст] / Г. И. Успенский; М.: Худ. лит, 1956. – 580с.

II.

8. *Бакиров, Н.А.*Поэтика рассказов Короленко [Текст] / Н. А. Бакиров; Ред. проф. Ю.Г. Нигматулина // Традиции и новаторство Русская литература последней трети XIX века: некоторые аспекты системно-комплексного анализа литературного процесса – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1980 с.121-129
9. *Бахтин, Н.Н.* Проблемы поэтики Достоевского [Текст] – монография / Н. Н. Бахтин – М.: Худ.лит., 1972. – 167с.
10. *Белинский, В. Г.* Статьи и рецензии 1843 – 1848. [Текст] / Собр. Сочинений в 3-х томах. Том 3.; ред. В. И. Кулешов. – М: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948.

11. *Беневоленская, Т.А.* Портрет современника: очерк в газете [Текст] – монография / Т.А.Беневоленская – М.: Мысль, 1983. – 132 с.
12. *Богаткина, М. Г.* Достижения советского литературоведения в изучении жанра очерка (Проблема традиций и наследие Глеба Успенского) [Текст] / М.Б. Богаткина // Советская литература зеркало социального прогресса. – Днепропетровск, 1967. – с.74 – 81.
13. *Буш, В. В.* Глеб Успенский (в мастерской художника слова). Этюды. [Текст] – монография / В. В. Буш – Саратов 1925. – 153с.
14. *Буш, В. В.* Как работал Глеб Успенский над своими очерками [Текст] / В. В. Буш // Литературная учеба, 1933, №6 – 7с. 60.
15. *Быконя, Э. Н.* Русские очерки 1880- 1890-х о Сибири [Текст]: автореф. Дис. Канд. Фил. Наук. / Э. Н. Быконя – М., 1974.
12. *Бялый, Г. А.* Всеволод Гаршин [Текст]: монография / Г. А. Гаршин; Л.: Просвещение, 1969г. 126 с
16. *Бялый, Г. А.* В.Г.Короленко [Текст]: монография / Г. А. Бялый; М.; Л.: Гослитиздат, 1949. 372, с. 13.
17. *Бялый, Г. А.* «Талант человеческий». Реализм Гаршина [Текст]: монография / Г. А. Бялый; М.: Академия наук, 1937.
18. *Бялый, Г. А.* Очерки и рассказы Глеба Успенского [Текст]: вступительная статья / Г. А. Бялый – М.: Худ. Лит., 1981
19. *Глаголев, Н. А.* Художественный очерк Глеба Успенского [Текст]: монография / Н. А. Глаголев; «Худ.лит-ра», №9, 1935.
20. *Глушков, Н.И.* Очерк в русской литературе [Текст]: монография / Н. И.Глушков; Ростов
21. *Гоголь, Н.В.* Собрание сочинений в шести томах. Т 5. [Текст] – М: Гослитиздат, 1953.
22. *Горький, А.М.* Из воспоминаний о Короленко [Текст] / А. М. Горький // В.Г.Короленко в воспоминаниях современников. – М.:Худ.лит., 1961. – с.118
23. *Горький, А. М.* Несобр лит-крит статьи [Текст] / ред. С.М. Бтейтбурга – М: Гослитиздат, 1941. – 545с.

24. *Дергачев, И.А.* Глеб Успенский и Мамин-Сибиряк [Текст] / И.А. Дергачев // Русская литература 1870 – 1890 гг. – Сб.8
25. *Дерман, А. Б.* Жизнь В.Г. Короленко [Текст]: монография / А. Б. Дерман – М.; Л., 1946.
26. *Дерман, А. Б.* Воспоминания о В. Г. Короленко [Текст] / А. Б. Дерман // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962.
27. *Евстратов, А. Н.* О жанровом своеобразии очерков В.Г. Короленко «В голодный год» [Текст]: сборник научных трудов / А. Н. Евстратов, Отв. ред. Н. С. Смирнова // Проблемы сюжета и жанра художественного произведения // Сборник научных трудов.. – Алма-Ата., 1977. – 109 с.
28. *Журбина, Е. И.* Искусство очерка (Избранные главы) [Текст]: монография / Е. И. Журбина – М.: 1957 – 221с.
29. *Канторович, В.Я.* Заметки писателя о современном очерке. [Текст]: монография / В. Я. Канторович – М.: Советский писатель. – 1973. – 371 с.
30. *Костелянец, Б.* Русский очерк. [Текст]: монография / Б. Костелянец – М.: Наука, 1956
31. *Котов, А. К.* Короленко. Очерк жизни и литературной деятельности [Текст]: монография / А. К. Котов – М.: Худ лит. 1957, 85 с. Стр. 28.
32. *Латынина, А. Н.* Всеволод Гаршин. Творчество и судьба [Текст]: монография / А. Н. Латынина – М.: Худ. лит. – 1986, 221с.
33. *Маслова, М. М.* Путевые заметки как публицистическая форма [Текст]: монография / М. М. Маслова – М.: 1977.
34. *Миронов, Г. М.* Короленко [Текст]: монография / Г.М. Миронов; серия ЖЗЛ – М.: Мол.гвард., 1962. – 364с.
35. *Михайлова, Н.М.* Летописец. Империя [Текст]: собрание сочин. в 3-х томах – Том 1 Ч.2 Гл 3 2 гл 1 Поездки Н.Е. Белявской на голод М.: «Летучая мышь», 2008.
36. *Михайловский, Н. К.* Г. И. Успенский как писатель и человек [Текст]: Литературно-критические статьи – М.: Худ. лит., 1989 – 605с.

37. *Михайловский, Н. К.* Литературно-критический статьи [Текст] М., 1957. – 476с.
38. *Михайловский, Н. К.* Сочинения [Текст]: издание редакции журнала «Русское богатство» тт. 1 – 6 Спб, 1897.
39. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под редакцией проф. Л.И. Скворцова – М.: Оникс, 2007. – 1198с.
40. *Пивоварова, Л. М.* Русский очерк 80-90-х годов XIX века [Текст]: монография / Л. М. Пивоварова – Казань: Изд. Казанского ун-та, 1978. – 110
41. *Плеханов, Г. В.* Наши беллетристы-народники Статья 1. Г.И.Успенский [Текст]/ Г. В. Плеханов // Литература и эстетика. – М.: 1958
42. *Полищук, Е. В.* Размышления над страницами произведений В.Г. Короленко. [Текст]: монография / Е. В. Полищук – М.
43. *Порудоминский, В. И.* Гаршин [Текст]: монография; Жизнь замечательных людей. Серия биографий. – М.: Мол. гвард., 1962. – 304 с.
44. *Порудоминский, В.И.* Вступит.статья из книги Гаршин, В М Сочинения. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. [Текст] – М: Сов. Россия, 1984.– 432 с.
45. *Порудоминский, В. И.* Грустный солдат или жизнь Всеволода Гаршина [Текст]: монография / В. И. Порудоминский; Серия: Писатели о писателях.– М.: Книга, 1987, 288с. – с 8
46. *Пруцков, Н. И.* Глеб успенский [Текст]: монография / Н. И. Пруцков – Л.: Просвещение, 1971. – 127 с.
47. *Пруцков, Н. И.* Творческий путь Глеба Успенского [Текст]: монография / Н. И. Пруцков – М.–Л.,АНСССР, 1958, с.159
48. *Ростов, Н. В.* В.Г. Короленко [Текст]: монография / Н. В. Ростов – М.: Худ. лит., 1965. – 111с.
49. Русская литература и фольклор [Текст] / Под ред. А.А. Горелова. – М.: Наука, 1987. – 361 с.
50. *Смирнов, В.Б.* Глеб Успенский и Златовратский [Текст] / В. Б. Смирнов Отв. Ред. И.А. Дергачев // Русская литература 1870-1890 годов Сборник 8. – Свердловск, 1975. – С.3-24.

51. *Соколов, Н. Г.* И.Успенский. Жизнь и творчество [Текст]: монография / Н. Соколов – Л.: Худ. лит., 1968. – 314с.
52. *Ставский, В.С.* Об очерке и очеркистике [Текст] / В. С. Ставский // На литературном посту. – 1931. –№4. – с. 57-59.
53. *Степанов, Н. Н.* Русская литература в борьбе с религией [Текст] – М.: Академия наук, 1963. – 364 с.
54. *Темкина, Е.* К истории создания очерков В.Г. Короленко «В голодный год» [Текст]/ Е. К. Темкина //«Вопросы журналистики». Л., 1960. Вып. 2, кн.2.
55. *Тимофеев, Л., Венгров, Н.* Краткий словарь литературоведческих терминов [Текст] – Л. Тимофеев, Н. Венгров – М.: Учпедгиз, 1955.
56. *Фаусек, В. А.* Памяти Всеволода Михайловича Гаршина [Текст] / В. А. Фаусек // Современники о Гаршине. Воспоминания. – Саратов, 1977. – с76.
57. *Черепанов, М. С.* Таинства мастерства публициста [Текст]: монография / М. С. Черепанов – М.: Мысль, 1984. – 150 с.
58. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем, т 7. [Текст] – А. П. Чехов – М.: Гослитиздат, 1947, 190с.
59. *Шпилевая, Г.А.* Жанровая эволюция циклов очерков Глеба Успенского [Текст]: автореф.дис. канд. Филол.наук: 10.01.01 / Г.А.Шпилевая; – Воронеж,1993.
60. *Шулятиков, В. М.* Памяти Глеба Успенского [Текст] / В.М. Шулятиков // «Курьер», 1902, № 70
61. Андреевский Сергей Аркадьевич. Всеволод Гаршин [Электронный ресурс]. – С. А. Андреевский. Книга о смерти – М.: Наука, 2005. – Режим доступа [http: // ar. lib. ru> a/ andreewskij_s...text_1889_garshin. shtml](http://ar.lib.ru/a/andreewskij_s...text_1889_garshin.shtml).
62. Голос времени [Электронный ресурс] – Софья Шоломова. Библиографические миниатюры о Короленко – Харьков, 2008. – Режим доступа [http: // www. korolenko. kharkov. com>...SHOLOMOVAGolos_vremeni. pdf](http://www.korolenko.kharkov.com>...SHOLOMOVAGolos_vremeni.pdf).

